ЛБ93
1200

ВОПРОСЫ
НАУКИ ИСКУССТВА ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗ
№. 17.
В. Д. СПАСОВИЧЪ.
НОВЫЯ
НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ НАУКѢ
УГОЛОВНАГО ПРАВА.
Типографія Товарищества И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1898.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Текущее десятилѣтіе отмѣчено въ настроеніи русскаго общества, между прочимъ, постояннымъ возрастаніемъ запроса на образовательное, гуманизирующее знаніе. Потребность въ такомъ знаніи, указывая на возрожденіе въ нашемъ отечествѣ культурныхъ интересовъ и симпатій, въ то же время съ полной очевидностью выяснила недостаточность у насъ образовательныхъ средствъ и настоятельную необходимость ихъ возможно широкаго развитія. Однимъ изъ такихъ средствъ является популярная, общедоступная литература. Необходимость ея обновленія и пополненія доказывается возникновеніемъ за послѣдніе годы цѣлаго ряда серій популярныхъ изданій. Однако, потребность въ такого рода литературѣ у насъ настолько велика, что всего сдѣланнаго до сихъ поръ въ этомъ направленіи далеко еще недостаточно.

Предлагаемая читателю серія брошюръ, подъ общимъ заглавіемъ: „Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“, ставитъ себѣ задачей служить именно этой цѣли—развитію нашей общедоступной научной литературы. Изданіе это, задуманное по образцу нѣкоторыхъ иностранныхъ (въ родѣ извѣстной Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge проф. Вирхова и проф. Гольцендорфа) задается цѣлью дать въ популярной формѣ, съ одной стороны, критически провѣренное изложеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ или отдѣловъ науки, съ другой—освѣщать нѣкоторыя изъ текущихъ явленій искусства, литературы и жизни.

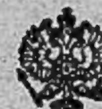
Настоящее изданіе будетъ посвящено, по мѣрѣ возможности, всѣмъ отраслямъ образовательныхъ знаній изъ области наукъ какъ естественныхъ, такъ и гуманитарныхъ. Вопросы физики, химіи, астрономіи, физической географіи, геологіи, минералогіи, палеонтологіи

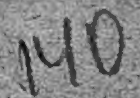
(См. на слѣдующей страницѣ.)

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни.
№. 17.

В. Д. Спасовичъ.

НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ НАУКѢ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Типографія Высочайше  утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1898.



Дозволено цензурою. Москва, 28 мая 1897 г.

Статья В. Д. Спасовича — „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права“ — была помѣщена первоначально въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1891 годъ. Будучи рекомендована Комиссіей по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, въ качествѣ „необходимаго“ пособія при занятіяхъ уголовнымъ правомъ, статья эта любезно предоставлена авторомъ въ ея полное распоряженіе. Кромѣ авторскаго гонорара, въ пользу названной Комиссіи поступаетъ также и вся чистая прибыль отъ изданія настоящаго выпуска „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“.

I.

Итальянская школа антропологовъ-позитивистовъ.

Беру на себя нелегкую задачу представить въ сжатомъ очеркѣ перемѣны, происшедшія въ послѣднее время въ наукѣ уголовнаго права, новыя вѣянія, обрисовывающійся новый фазисъ — пока только въ одной наукѣ; но извѣстно, что коль скоро ученые станутъ что-нибудь въ одинъ голосъ повторять, то это перейдетъ и въ законы, и въ практику. Понятно, что для характеристики новаго я долженъ сопоставить его со старымъ, а старое — лично для меня — тò, чтò существовало болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, когда я сошелъ съ преподавательской каѳедры. Я тогда не повѣрилъ бы, что раздадутся на Западѣ, и найдутъ послѣдователей и у насъ, сужденія, совсѣмъ противоположныя тому, чтò было принято считать непререкаемыми аксіомами и прямыми выраженіями человѣчности и христіанскаго духа. Я бы не повѣрилъ, что станутъ проповѣдовать: не надо толковать

всякое сомнѣніе въ пользу подсудимаго (in dubio pro reo): слишкомъ жалѣли злодѣя — надобно пожалѣть и общество. Долой въ судѣ неумѣстную милость; никакая власть не въ правѣ водворять въ общество его отбросы и всякія другія отложенія. Нѣжныя чувства къ павшему человѣку годились сто лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Беккаріа, когда надо было освобождаться отъ варварской жестокости Среднихъ вѣковъ. Нынѣ функціи общественной гигіены должны быть отправляемы безъ сантиментальности и безъ гнѣва, съ устраненіемъ всякихъ эмоціональныхъ и эстетическихъ элементовъ, съ отрѣшеніемъ отъ драматизма въ широкой борьбѣ между обвиненіемъ и защитою. Повязка должна быть снята съ глазъ Ѳемиды, но и мечъ ея долженъ быть отнятъ у присяжныхъ, судящихъ не умомъ, а только сердцемъ, и у сухихъ теологовъ-юристовъ, которые привыкли возиться съ отвлеченными преступленіями и судить пустое дѣяніе, изъ котораго выпущено живое лицо преступника. Сама задача уголовнаго суда должна быть радикально видоизмѣнена. Старая школа юристовъ судила извѣстное дѣяніе извѣстнаго человѣка, какъ произведеніе его свободной воли; но съ этою вольною волей счеты покончены; она — предразсудокъ и самообольщеніе сознанія, происходящее отъ того, что наше самонаблюденіе не простирается на выработку

въ безсознательномъ состояніи мотивовъ дѣйствія, существующихъ въ скрытомъ видѣ, а начинается съ момента, когда эти мотивы вступаютъ между собою въ борьбу, въ которой, несомнѣнно, верхъ одерживаетъ сильнѣйшій. Такъ какъ свободной воли нѣтъ, то не можетъ быть и нравственной отвѣтственности за дѣйствіе, то есть, той вины, по которой отмѣривалось и отсчитывалось наказаніе. Та особенность, которою мы гордились, какъ превосходствомъ современности передъ Средними вѣками, а именно, что сумасшедшаго не судятъ, что его отпускаютъ безъ суда, — пропадаетъ; сумасшедшіе одинаково опасны, какъ и психически здоровые люди, а если они опасны, то подлежатъ изъятію изъ общежитія. Пріемы и методы суда, равно какъ и личный его составъ должны измѣниться. Въ судьи годятся не случайные понятые изъ народа, безъ толку волнующіеся, и не казуисты, производящіе операціи на искусственно вырѣзанномъ изъ жизни дѣяніи, отвлеченно разсматриваемомъ, но антропологи и, по возможности, психологи и психіатры, которыхъ работа клонится къ тому, чтобы, изучивъ статику и динамику субъекта, его сложеніе и привычки, помѣстить его въ подходящій классъ преступниковъ, подлежащихъ либо изъятію изъ общежитія, либо меньшимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Изнѣжившись, мы напрасно ослабили

нашу карательную систему. Въ борьбѣ за существованіе между обществомъ и злодѣями корень системы — *искорененіе;* а если, по состоянію нервовъ общества, нельзя, къ сожалѣнію, практиковать въ надлежащей мѣрѣ смертную казнь, то возможно оградить себя и безъ нея посредствомъ эквивалентовъ — правда, дорогихъ и сложныхъ, но все-таки дѣйствительныхъ.

Таковы были голоса, нарушившіе своими диссонансами рутину, утвердившуюся въ области криминалистики. Замѣчательно, что они выходили изъ Италіи, на глазахъ нашихъ превратившейся изъ „географическаго названія", какимъ ее считалъ Меттернихъ, въ новое почтенныхъ размѣровъ государство, съ конституціею съ иголочки, съ либеральными учрежденіями, позаимствованными и не имѣющими корней, между тѣмъ какъ въ самомъ народѣ кишатъ средневѣковыя привычки, и самый народъ — живой, нервный, страстный, склонный къ преступленіямъ противъ личности, готовый еще и нынѣ выдѣлять изъ себя разбойничьи шайки въ родѣ неаполитанской каморры или сициліанской маффіи. Судъ присяжныхъ въ Италіи нерѣдко боится убійцъ, которыхъ судитъ, и до сихъ поръ не сдѣлался популярнымъ. Народъ итальянскій — весьма даровитый, талантливый, въ особенности въ области практическаго дѣла. Потомки древ-

нихъ римлянъ, итальянцы произвели: множество великихъ папъ, Макіавелли и великихъ кондотьеровъ, къ числу которыхъ Тэнъ отнесъ и Наполеона. Они — прирожденные политики, слѣдовательно и криминалисты. Бекарія (Dei delitti e delle pene, 1764) былъ у нихъ глашатаемъ уголовной реформы, увлекшей всю Европу. Имъ же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ отставленія отъ службы старой Бекаріевской классической школы и созданія новой, болѣе суровой, соотвѣтствующей научному духу изслѣдованія, свойственному нашему вѣку. Эти соображенія не уясняютъ, однако, почему итальянскія ученія нашли отголосокъ и послѣдователей внѣ Италіи. Они распространились и въ западной Европѣ, именно потому, что и въ ней насталъ вѣкъ желѣзный, господство грубой силы, торжествующей съ цинизмомъ. Но такое очерствленіе и одичаніе, которое мы испытываемъ, есть, въ свою очередь, только результатъ и рефлексъ измѣнившагося міросозерцанія. Тѣ проповѣдники просвѣтительной философіи XVIII вѣка и начала XIX-го, будь они теисты или даже атеисты, все же были проникнуты христіанскимъ духомъ, любовью ко всему ощущающему и страдающему. Міръ имъ казался единымъ цѣлымъ, солидарнымъ во всѣхъ частяхъ. Этому міросозерцанію нынѣ противопоставлены — природа съ ея роковыми и нещадными зако-

нами, міръ, какъ совокупность борющихся силъ, торжество сильнѣйшаго и гибель слабѣйшаго, какъ орудіе прогресса. Приведу слѣдующія слова Тарда (Philosophie pénale, 526): „Распространеніе Дарвиновой теоріи, въ послѣдніе годы, было прямымъ возвращеніемъ къ языческому духу. Религія или философія, которыя въ миѳологической или научной формѣ берутъ за исходную точку врожденный безпорядокъ, первичный конфликтъ, и усматриваютъ въ гармоніи только побѣду послѣ сраженія, должны привести къ оправданію завоевателя и героя. Несомнѣнно, что успѣхъ Дарвинизма содѣйствовалъ ужасающему возрожденію милитаризма и затормозилъ движеніе противъ смертной казни, столь сильное въ предшествующую эпоху“. Я далекъ отъ мысли полемизировать съ однимъ изъ величайшихъ геніевъ XIX столѣтія, но и его ученіе есть только одинъ изъ фазисовъ въ эволюціи идей. Я хотѣлъ указать только на стволъ дерева, изъ котораго выросли, въ видѣ вѣтокъ, капитальныя произведенія итальянской школы криминалистовъ: это — Дарвинъ и Гербертъ Спенсеръ. Школа имѣетъ нынѣ трехъ видныхъ представителей: Ломброзо, Ферри и Гарофало.

Основатель школы, Цезарь *Ломброзо,* еврей по происхожденію, медикъ по профессіи, родился въ 1836 г., управлялъ заведеніемъ для сумасшедшихъ въ Пезаро, потомъ занялъ ка-

ѳедру судебной медицины и клинической психіатріи въ Туринѣ, гдѣ и прославился своими наблюденіями надъ преступниками. Его капитальное произведеніе: Uomo delinquente, 1878 — имѣло множество изданій, изъ которыхъ четвертое переведено на французскій языкъ (L'homme criminel, 1887). Громкая европейская его извѣстность началась съ 1885 года, когда въ Римѣ одновременно засѣдали два конгресса, занимавшіеся одними и тѣми же вопросами: пенитенціарный и антропологическій.

Ломброзо — не юристъ и нисколько не соціологъ; онъ — естественникъ, притомъ человѣкъ не только односторонній, но и однопредметный или, лучше сказать, одноидейный. Въ эту свою идею онъ внесъ всѣ способности весьма кипучаго ума; онъ переворачивалъ ее и развивалъ по всевозможнымъ направленіямъ, изобрѣтая, производя опыты и неутомимо роясь въ исторіи. У него живое воображеніе, страсть къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, но и большая готовность отступать отъ своихъ выводовъ и ихъ вычеркивать. Коренная его идея та, что въ родѣ человѣческомъ есть особый видъ, отличающійся характерными признаками: человѣкъ - преступникъ. Признаковъ этихъ Ломброзо открылъ большое количество. Сначала онъ ихъ искалъ въ тѣлосложеніи субъектовъ, работалъ надъ

составленіемъ чего-то въ родѣ анатомическаго атласа виднѣйшихъ экземпляровъ типа. Потомъ онъ находилъ ихъ въ отправленіяхъ физіологическихъ и психологическихъ. Человѣкъ-преступникъ обыкновенно дюжъ и тяжелъ, съ меньшею, чѣмъ у другихъ, вмѣстимостью черепа, съ низкимъ и подающимся лбомъ, со складками на лбу, выдающимися бровяными сводами и скулами, съ несимметрическимъ расположеніемъ правыхъ и лѣвыхъ частей черепа и лица, глубокими глазными впадинами, кривымъ или вздернутымъ носомъ. Преступники страдаютъ часто дальтонизмомъ, косоглазы, лѣвши, волосаты, но съ рѣдкими бородами. Они мало чувствительны къ физическимъ страданіямъ, рѣдко краснѣютъ, непомѣрно тщеславны, любятъ татуироваться и тому подобное. Для отнесенія субъекта къ типу преступника необходимо, чтобы онъ вмѣщалъ въ себѣ многіе признаки. Хотя большинство преступниковъ не подойдетъ подъ типъ, но въ цѣлой арміи разрушителей общественнаго порядка главный корпусъ составляютъ лица, роковымъ образомъ по своей организаціи созданныя для преступленія, такъ называемые прирожденные преступники (delinquenti nati); ихъ бываетъ, по расчету Ломброзо, до 40% въ общемъ итогѣ присуждаемыхъ къ наказаніямъ.

Если бы и было доказано, что мысль Ломброзо вѣрна, и что есть въ родѣ человѣче-

скомъ прирожденные преступники, то какой слѣдуетъ сдѣлать практическій выводъ изъ этого положенія? Ломброзо его не дѣлаетъ, о немъ и не думаетъ; онъ озабоченъ дачею объясненія причинъ этого непрекращающагося комплектованія класса звѣрей въ образѣ человѣческомъ, лишенныхъ всякихъ альтруистическихъ чувствъ. Объясненіе дается въ смыслѣ Дарвиновой теоріи и философіи Герберта Спенсера; оно основано на наслѣдственности, на атавизмѣ — на томъ, что послѣ длиннаго ряда поколѣній дрессированныхъ и цивилизованныхъ можетъ родиться правнукъ съ характерными чертами отдаленнѣйшихъ предковъ, вполнѣ похожій на тѣхъ праотцевъ пещернаго періода, когда убійство, грабежъ и то, что мы называемъ преступленіемъ, были всеобщими правилами дѣйствій. Благодаря наслѣдственности въ каждомъ дитяти проявляется пережитое прошлое, задатки преступности: гнѣвъ, мстительность, жестокость, лживость, эгоизмъ. Эти сѣмена зла исчезаютъ потомъ при воспитаніи, подъ вліяніемъ общежитія; но есть извѣстный процентъ особей съ превратными наклонностями, которыя остаются таковыми на всю жизнь.

Ломброзо не могъ, однако, остановиться на объясненіи преступности посредствомъ только атавизма просто потому, что, хотя многіе острожники схожи анатомически съ дикарями—людьми

здоровыми, между которыми вообще не бываетъ сумасшедшихъ, въ большинствѣ осуждаемыхъ нельзя, однако, отрицать присутствія признаковъ болѣзненной нервности, патологическихъ состояній, неврастеніи. Вообще и медики-аліенисты, и публика расположены даже смотрѣть на преступниковъ, какъ на психически больныхъ, какъ на пребывающихъ въ состояніи невмѣняемости. Считаясь съ этимъ взглядомъ, но не отказываясь и отъ прежняго, Ломброзо оба несовмѣстимыя объясненія совокупилъ такимъ образомъ, что въ преступникѣ совмѣщаются и дикарь и больной, такъ какъ къ атавизму часто приводятъ дурное питаніе мозга, нервность, эпилепсія. Между преступниками случайными и несомнѣнно сумасшедшими становятся „прирожденные преступники", въ числѣ которыхъ, на ряду съ сумасшедшими, помѣщаются одержимые такъ называемымъ нравственнымъ сумасшествіемъ, тоесть, люди, разсуждающіе здраво и дѣйствующіе цѣлесообразно, но безусловно неспобные различать нравственное добро и зло (moral insanity, folie morale). Новѣйшіе психіатры пріурочиваютъ этотъ видъ сумасшествія къ болѣзнямъ нервныхъ центровъ. Ломброзо идетъ дальше и кладетъ какъ подъ этотъ классъ, такъ и вообще подъ всѣхъ прирожденныхъ преступниковъ общее основаніе, а именно дѣлаетъ предположеніе, что всѣ они

нервно больные, эпилептики, страдающіе либо явными припадками падучей болѣзни, либо, по крайней мѣрѣ, скрытою эпилепсіею (épilepsie larvée), иными словами, они имѣютъ эпилептическій темпераментъ, вслѣдствіе чего всѣ „прирожденные преступники" получаютъ психопатическую окраску и разсматриваются якобы сумасшедшіе (не matti, a mattoïdi). Такимъ образомъ, изъ сомнительныхъ предположеній дѣлаются и выводы совсѣмъ невѣрные. Подъ понятіемъ преступниковъ по атавизму разумѣлись запоздалые уроды, являющіеся нынѣ какъ бы по ошибкѣ, когда имъ слѣдовало бы жить назадъ тому нѣсколько вѣковъ, но не выродки, родившіеся нормальными людьми и потомъ свихнувшіеся или даже сошедшіе съ ума, т. е. люди, отличающіеся признаками не органическими, а патологическими. Любопытно, что ученикъ Ломброзо — Марро — взялся провѣрить теорію учителя и произвелъ, хотя меньшее количество наблюденій, но зато съ необычайною точностью и при помощи всѣхъ средствъ психофизики, — надъ арестантами и несудившимися людьми въ одной сѣверной Италіи, при чемъ пришелъ къ заключеніямъ совсѣмъ не согласнымъ съ теоріею своего учителя. Морро подраздѣляетъ усмотрѣнныя имъ ненормальности на три разряда: *атавическія,* когда онѣ соотвѣтствуютъ физическимъ чертамъ организаціи предковъ; *атипическія,* когда онѣ

произошли еще въ зародышевомъ состояніи субъекта (уродливое строеніе черепа, страбизмъ, асимметрія, золотуха), и *патологическія,* напримѣръ, рубцы, параличи, затруднительное кровообращеніе, увѣчья, послѣдствія алкоголизма. Перваго рода ненормальности весьма рѣдки; вторыя — въ одинаковой пропорціи свойственны и преступникамъ, и несудившимся лицамъ; ненормальностями третьяго рода одержимы преступники въ несравненно большемъ количествѣ и степени, нежели честные люди. Значитъ, преступникъ – въ бо́льшей части случаевъ — больной, расшатанный человѣкъ, часто психопатъ, часто страдающій отъ недостаточнаго прилива крови къ мозгу. Бѣдность, нищета — вотъ неразлагаемый осадокъ преступнаго типа. Прибавимъ къ этому невѣжество и не біологическій атавизмъ, а тотъ общеизвѣстный историческій фактъ, что разные слои одного и того же общества, въ одно и то же время, по своимъ идеямъ и нравамъ живутъ въ разныхъ вѣкахъ исторіи: передовые классы — въ XIX, а арьергардъ, темныя массы, можетъ быть, въ XI или X столѣтіяхъ.

Тутъ я разстаюсь съ Ломброзо и перехожу къ тѣмъ его послѣдователямъ, въ рукахъ которыхъ проповѣдуемая имъ уголовная антропологія получила правовое и философское значеніе вслѣдствіе того, что они къ даннымъ біологіи и экспериментальной психологіи при-

соединили изысканія статистики. Они ее и переименовали изъ *антропологической* школы въ *положительную* (scuola positiva del diritto criminale).

Статистическія наблюденія надъ ходомъ преступности имѣли вездѣ тотъ результатъ, что они озадачивали общество и ставили на очереди жгучій вопросъ о спѣшномъ сооруженіи плотинъ противъ быстраго прибоя преступности, противъ возрастанія—непропорціонально приращенію населенія — числа преступленій вообще и рецидивовъ въ особенности. Я не буду останавливаться вообще на этихъ изслѣдованіяхъ и на классическомъ, по своему методу и размѣрамъ, оффиціальномъ французскомъ отчетѣ за 1880 г. (работа Ивернеса), изображающемъ движеніе преступности во Франціи за цѣлые полвѣка (съ 1830 по 1880 г.), — ни на успокоительной, но парадоксальной теоріи *Полетти* (1882, Di una legge empirica della criminalità), по которой увеличеніе числа преступленій, непропорціональное приращенію населенія, не обозначаетъ усиленія порчи нравовъ, если при этомъ быстро возросли и обращеніе богатствъ и количество мѣновыхъ сдѣлокъ. Я счелъ необходимымъ затронуть статистику только съ одною цѣлью — указать, что какъ, только статистическія изысканія присоединились къ антропологическимъ, занимавшимся одними

конкретными преступниками и ихъ преступленіями, — то сама криминологія тотчасъ же преобразилась, содержаніе ея обобщилось, индивидуальная личность стушевалась, и мы стали имѣть дѣло съ коллективнымъ стремленіемъ къ преступности, проявляющимся съ различнымъ напряженіемъ въ связи со всѣми условіями общественнаго быта. Сама наука изъ той смѣси біологіи, зоологіи, антропологіи, какою она являлась у Ломброзо, превратилась въ часть соціологіи, въ государственную науку, въ политику. Трудъ такого пополненія антропологіи статистикою, сопряженнаго съ опытомъ перевода науки на соціологическую почву, совершилъ *Энрико Ферри*, мантуанецъ, родившійся въ 1856 г., преподававшій уголовное право въ Туринѣ, а потомъ въ Сіенѣ, и промѣнявшій въ 1886 г. профессуру на званіе члена итальянскаго парламента. Самое блестящее изъ его произведеній, дающее наилучшее представленіе о всей итальянской школѣ, озаглавлено: „I nuovi orrizonti del diritto e della procedura penale“ (2 изд. 1884).

Ферри кладетъ въ основаніе своего ученія три *первоосновы*. Первая, общая всѣмъ представителямъ школы, есть несуществованіе свободной воли, а слѣдовательно и нравственной отвѣтственности, и превращающая уголовное право лишь въ простую самооборону об-

щества отъ преступниковъ. Вторая основа — идея Ферри, заимствованная отъ Ломброзо, а именно, что преступникъ есть разновидность рода человѣческаго, существо ненормальное, на другихъ особей иныхъ видовъ непохожее. Третья основа — наказанія сами по себѣ мало вліяютъ на уменьшеніе или приростъ преступности. Всякій психическій процессъ, а слѣдовательно и волевой, происходитъ по общему типу нервнаго рефлекса, осложненнаго только тѣмъ, что между вызвавшимъ его внѣшнимъ дѣйствіемъ и конечнымъ воздѣйствіемъ имѣется промежуточный фазисъ психическій, сопровождаемый обманнымъ чувствомъ якобы свободы, произвола; въ сущности же это — только сознаніе того, что, откликаясь на раздраженіе извнѣ, лицо становится, хотя и невольною, но дѣйствительною причиной перемѣнъ, производимыхъ имъ въ мірѣ внѣшнемъ, что и составляетъ основаніе вмѣненія ему этихъ перемѣнъ. Карательная дѣятельность есть такой же рефлексъ, самозащита организма личнаго или коллективнаго въ его борьбѣ за существованіе. Она бываетъ либо немедленная, либо отлагается до болѣе удобнаго случая (месть), — военная, либо судебная; она исправляется либо главою государства, либо его министрами и слугами. Она первоначально совершалась безъ всякаго разсужденія относительно ка-

раемаго, относительно какой бы то ни было его вины, и этотъ характеръ она имѣетъ и нынѣ въ международныхъ войнахъ. Однако, вскорѣ карательная функція перешла къ жрецамъ, въ рукахъ которыхъ она получила мистическій характеръ оскорбленія божества, требующаго очищенія. Этотъ мистицизмъ со временемъ до того прилѣпился къ понятію преступленія, что, и послѣ выхода изъ религіознаго періода, законодательство и классическая уголовная школа не перестаютъ возиться съ виною, соразмѣряя съ нею наказаніе на отвлеченнѣйшихъ вѣсахъ. Обусловленная виною юстиція стала воздаяніемъ. Это была кровная месть, государственная месть, божеская месть, или, наконецъ, жертвоприношеніе какой-то заоблачной идеѣ правды и справедливости. Наши законы еще не раздѣлались съ первымъ религіознымъ фазисомъ, классическая криминологія пребываетъ и до сихъ поръ во второмъ фазисѣ юстиціи воздаятельной и исправляющей, но пора вступить въ третій фазисъ юстиціи чисто правовой, задающейся только цѣлью охраны общества и закона, но не болѣе, — юстиціи, для которой безразличны степени вины. Изъемля личность изъ тисковъ средневѣковаго государства, индивидуалисты - классики выдавали преступника государству головою для отмщенія — только при доказанности моральной

его вины. Теперь задача измѣняется. Общество не караетъ, а только предохраняетъ себя отъ злодѣевъ, либо ассимилируя все то, что еще годно къ ассимиляціи, либо извергая все негодное, — и это оно дѣлаетъ хладнокровно, безъ эмоціи. Такъ какъ дѣянія людей въ общежитіи, смотря по ихъ хорошимъ или вреднымъ для общества послѣдствіямъ, должны быть относимы на счетъ дѣятелей, то общество и дѣлаетъ сихъ послѣднихъ отвѣтственными—не нравственно, а только легально—за ихъ противозаконныя дѣйствія, вслѣдствіе одного того факта, что они состояли въ общежитіи, — не добираясь до сокровенной вины. Воздѣйствіе общества на преступниковъ заключается и въ порицаніи ихъ поступковъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ мѣрахъ предупрежденія, и въ гражданскихъ взысканіяхъ. На самомъ краю этой системы стоятъ мѣры уголовнаго укрощенія и изъятія изъ общежитія особей наиболѣе опасныхъ. Критеріумъ при опредѣленіи степени наказуемости есть не вина, а только la temibilita del delinquente,— выраженіе, изобрѣтенное Гарофало и усвоенное школою; оно выражаетъ *боязнь, внушаемую субъектомъ,* зависящую отъ важности посягательствъ на благо лица или общества съ объективной его стороны и отъ вѣроятности повторенія. При этомъ критеріумѣ преступленія дѣлятся на: 1) легкія, совершаемыя

непривычными къ преступленію людьми (мѣры исправительныя); 2) средней важности преступленія, но совершаемыя непривычными людьми (кары, способныя отбить охоту и у другихъ то же дѣлать); 3) преступленія либо легкія, либо среднія, но совершаемыя людьми, занимающимися ими какъ ремесломъ, профессіонально (мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы сдѣлать повтореніе мало вѣроятнымъ); наконецъ, 4) выходящія изъ ряда злодѣянія (мѣры, пресѣкающія всякую возможность повторенія).

По *второй* изъ своихъ первосновъ, Ферри слѣдуетъ почти по пятамъ Ломброзо, придерживаясь при томъ его первоначальнаго объясненія, по которому преступникъ прежде всего не психопатъ, а дикарь. По мнѣнію Ферри, преступникъ есть представитель первобытныхъ дикарей, у которыхъ нравственныя идеи и чувства существуютъ лишь въ зачаткахъ. Дѣленіе преступниковъ по системѣ Ферри замѣчательно тѣмъ, что оно было принято въ 1885 г. антропологическимъ конгрессомъ въ Римѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ классовъ: 1) преступники-сумасшедшіе; 2) неисправимые или прирожденные; 3) привычные, дѣйствующіе по ремеслу (увеличивающійся грозный корпусъ рецидивистовъ); 4) преступники по страстному аффекту или импетики по темпераменту; 5) наконецъ, преступники случайные, вовлеченные въ преступленіе вліяніями

среды или внѣшними связями. Опасныхъ *сумасшедшихъ* нельзя отпускать безъ осужденія; они должны быть помѣщены безсрочно или до выздоровленія въ такъ называемыя manicomia или арестантскія больницы для помѣшанныхъ. Въ судѣ должны засѣдать въ числѣ судей и эксперты изъ психіатровъ. Къ сумасшеднимъ должны быть относимы и mattoidi, одержимые нравственнымъ сумасшествіемъ. Настоящая расправа *съ прирожденными и неисправимыми* преступниками была бы смертная казнь, но не такая, какая существуетъ нынѣ въ видѣ пугала для воробьевъ, всего по нѣскольку головъ въ годъ. На одну Италію полезно было бы казнить въ годъ до 1500 человѣкъ. Такъ какъ смертная казнь дѣлается невозможною по состоянію нравовъ, то лучше упразднить ее, но завести для неисправимыхъ заключеніе навсегда, со ссылкою куда-нибудь подальше, съ употребленіемъ на полевыя работы въ болотахъ, въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуетъ malaria, съ прибавкою для строптивыхъ тѣлеснаго наказанія, приспособленнаго къ нашему вѣку, не въ видѣ розогъ, но въ видѣ окачиваній холодною водой или электрическихъ разряженій, причиняющихъ боль, но безъ слѣдовъ. Для *привычныхъ* преступниковъ ме́ньшаго калибра — воровъ, хищниковъ, заключеніе должно быть продолжительное, увеличивающееся по числу рецидивовъ

до зачисленія въ неисправимые, то есть, до безсрочнаго заключенія. Относительно *случайныхъ* преступниковъ желательно поменьше тюремнаго ареста, побольше взысканія убытковъ, для молодыхъ — школа, для взрослыхъ — ирландскій способъ срочныхъ условныхъ отпусковъ. Тюрьма не должна быть комфортабельна, работы въ ней безусловно обязательны по началу: chi non lavora non mangia. Если *преступники по страстному порыву* — не психопаты, то, сверхъ вознагражденія убытковъ, они должны быть подвергаемы особому заключенію срочному, не подлежащему сокращенію посредствомъ досрочнаго отпуска.

Что касается до *третьей* первоосновы Ферри, а именно, слабаго вліянія уголовныхъ каръ на преступность вообще, то предметъ этотъ находится въ ближайшей связи съ вопросомъ о *факторахъ* преступности, которыхъ Ферри насчитываетъ три рода: 1) *антропологическіе,* присущіе лицу преступника; 2) *физическіе,* состоящіе изъ совокупности условій окружающей преступника среды; 3) *общественные,* къ которымъ относятся нравы, религія, производительность и экономическое устройство, администрація, судъ, законодательство. Сузивъ область общественныхъ факторовъ, Ферри неправильно отнесъ въ антропологическіе — гражданское состояніе, занятіе и степень образованія лица. Факторы физическіе

одинаково вліяютъ на всѣ классы преступниковъ; антропологическіе — преобладаютъ въ классахъ сумасшедшихъ, прирожденныхъ и импетиковъ; соціальные — въ классѣ случайныхъ преступниковъ. Факторы физическіе и антропологическіе находятся внѣ власти законодателя, дѣйствуютъ по извѣстному ритму; результатами ихъ являются изъ ряда вонъ выходящія крупныя злодѣянія, численно почти одинаковыя изъ года въ годъ. Зато страшная подвижность господствуетъ въ меньшихъ преступленіяхъ противъ лицъ, противъ общественной организаціи и, въ особенности, противъ имуществъ. Цифры колеблются, будучи въ постоянной зависимости отъ мѣняющихся условій общественной среды по неизмѣнному, усматриваемому Ферри, закону *уголовнаго насыщенія*. Подобно тому какъ по началамъ химіи при извѣстной температурѣ распускается въ водѣ только извѣстное количество соли или иного подобнаго вещества, а остальное пребываетъ въ видѣ нераствореннаго осадка, но слѣдуетъ только повысить температуру, и способность воды насыщаться солью тотчасъ увеличивается, — такъ точно и при кризисахъ финансовыхъ, земледѣльческихъ, политическихъ, насыщаемость уголовная вдругъ растетъ, число преступленій, а слѣдовательно и осужденій на наказанія, увеличивается, при чемъ, однако, возникаетъ вопросъ: способ-

ствуютъ ли эти наказанія хотя бы только къ заторможенію надлежащимъ образомъ усиливающейся склонности къ преступленіямъ. Тутъ Ферри большой скептикъ. Въ обществѣ есть высшіе интеллигентные классы, которые могли бы обходиться и безъ каръ, по одной унаслѣдованной привычкѣ честно дѣйствовать. Есть затѣмъ подонки общества, люди необразованные и нечестные, всецѣло преданные звѣрской борьбѣ за существованіе. На этотъ классъ, доставляющій наибольшее число преступниковъ, наказанія не дѣйствуютъ. Наконецъ, есть колеблющіеся, умѣренно-честные, на которыхъ угроза наказаніемъ дѣйствуетъ въ смыслѣ психологическаго мотива, употребленнаго, когда всѣ другія лѣкарства оказались недѣйствительными. Здѣсь въ помощь уголовному праву является выстроенная Ферри заманчивая система замѣстителей наказанія, такъ называемыхъ sostitutivi penali — свободная мѣна, свобода выселенія, податная реформа, избирательная реформа, либеральное управленіе и такъ дальше, словомъ, рай земной, воображаемый идеальный общественный порядокъ, какимъ только можетъ его себѣ представить современный прогрессистъ, — программа на нѣсколько сотъ лѣтъ впередъ, которая не можетъ не измѣниться радикально, прежде чѣмъ будутъ осуществлены самыя коренныя изъ ея предначертаній.

Послѣ всего сказаннаго мною о книгѣ Ферри, я могу довольствоваться немногими словами, посвященными третьему представителю итальянской школы, вице-президенту трибунала въ Неаполѣ — Гарофало и его криминологіи (1885 г., 2-е изданіе во французскомъ переводѣ 1890 г.). Онъ изобрѣлъ указанный уже мною критеріумъ наказуемости — la temibilita del delinquente. Его дѣленіе неслучайныхъ преступниковъ на три разряда: смертоубійцъ, насилователей и воровъ, одобрено въ 1889 г. антропологическимъ конгрессомъ въ Парижѣ. Оно основано на понятіи Гарофало о преступленіяхъ *естественныхъ*, заключающемся въ томъ, что, если изъ преступности выдѣлить преступленія религіозныя, политическія и тѣ, которыя только по положительному закону квалифицированы, какъ преступленія, то всѣ остальныя сводятся къ отсутствію въ дѣятелѣ либо одного, либо обоихъ коренныхъ альтруистическихъ чувствъ: чувства состраданія или чувства честности. Гарофало — утонченный логикъ, озабоченный проведеніемъ идей школы въ законодательство и въ практику. Онъ порицаетъ нынѣшнее уголовное право за то, что наказанія утратили свой элиминативный характеръ; оно допускаетъ преслѣдованіе по частному обвиненію, головную давность и помилованіе, пользуется судомъ присяжныхъ и избираетъ типи-

ческимъ наказаніемъ заточеніе въ тюрьмѣ въ размѣрѣ, опредѣленномъ напередъ.

На долю не Гарофало, а Ферри досталась нелегкая задача — защищать идеи новой школы въ итальянскомъ парламентѣ при преніяхъ о новомъ кодексѣ, утвержденномъ 1-го декабря 1889 г. и введенномъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1890 г. Ферри произнесъ рѣчь безъ увлеченія, зная, что она не найдетъ въ собраніи представителей поддержки, — до того преобладаютъ въ немъ еще идеи классиковъ-беккаріанцевъ. Позитивисты никогда не разсчитывали на ближайшіе успѣхи. Еще на антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ, въ ноябрѣ 1885 года, по предложенію Молешотта, они приняли слѣдующее заключеніе: „признавая, что только достаточно созрѣвшія идеи могутъ проникнуть въ практическую жизнь и осуществиться однимъ дѣйствіемъ собственныхъ силъ, конгресъ выражаетъ желаніе, чтобы будущія законодательства въ ихъ прогрессивной эволюціи сообразовались съ началами уголовной антропологіи“.

Хотя итальянскій уголовный кодексъ, задуманный еще въ 1875 г. при Манчини и осуществленный только нынѣ при Занарделли, пошелъ по иному пути, нежели тотъ, какой предлагали позитивисты, но и въ немъ имѣются кой-какіе слѣды позитивизма, на которые я долженъ указать. Кодексъ весьма

сжатъ (498 статей); онъ исключилъ изъ употребительнаго трехъ-членнаго дѣленія уголовныхъ правонарушеній — на crimes, délits et contraventions — первый членъ, то-есть преступленія, crimes, и усвоилъ себѣ только *проступки* и *нарушенія*. Смертная казнь въ немъ отмѣнена; ее замѣняетъ ergastolo, вѣчная каторга съ одиночнымъ заключеніемъ въ первыя 7 лѣтъ и съ работами потомъ въ общихъ помѣщеніяхъ, но съ обязательнымъ молчаніемъ (§ 12). При наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ, вмѣсто ergastolo полагается reclusione на 30 лѣтъ. Срочное заключеніе въ двухъ видахъ, reclusione и detentione, длится до 24 лѣтъ, первое съ одиночнымъ заключеніемъ, но оба съ обязательными работами. Невмѣняемость существуетъ для дитяти до 9 лѣтъ, съ 9 до 14 лѣтъ ставится вопросъ о разумѣніи, и, во всякомъ случаѣ, до 21 года наказаніе смягчается (§§ 55—56). Въ § 45 сказано: никто не можетъ быть наказанъ за проступокъ, если онъ не желалъ дѣйствія, составляющаго проступокъ, за исключеніемъ случаевъ, когда законъ распорядился иначе, отнеся дѣйствіе на счетъ обвиняемаго, какъ послѣдствіе его дѣянія или его упущенія. По § 46 ненаказуемо лицо, которое въ моментъ совершенія факта находилось въ состояніи слабоумія, способнаго лишить его сознанія или *свободы* его дѣйствій. Слѣдующія затѣмъ слова

этого же § даютъ нѣкоторое удовлетвореніе позитивистамъ относительно ихъ manicomia для сумасшедшихъ: однако, если судья сочтетъ опаснымъ освобожденіе обвиняемаго, объявленнаго состоящимъ въ невмѣняемости, то онъ распорядится о передачѣ таковаго подлежащей власти для поступленія съ нимъ по закону. Въ § 47 положено громадное пониженіе наказанія для признававшагося уже и прежде итальянцами, но недопускаемаго другими законодательствами, состоянія полупомѣшательства, то есть, „для лицъ, которыхъ умственное состояніе таково, что могло значительно уменьшить отвѣтственность, не исключая ее однако".

Итальянскіе позитивисты не признаютъ своимъ дѣтищемъ новаго кодекса. Побѣда для нихъ только впереди; но возникаетъ вопросъ: достанется ли она имъ и въ будущемъ? Вносятъ ли они въ уголовное дѣло новыя идеи, вѣрныя основанія, настоящія истины? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо произвести критическую оцѣнку коренныхъ основаній новой школы.

Ея краеугольный камень — преступникъ, какъ разновидность рода человѣческаго — есть мечта воображенія, несуществующій предметъ. Можно ли признать существованіе вида, когда его признаки оказываются только у 40 % особей, относимыхъ къ этому виду; и притомъ

признаковъ этихъ весьма много и они составляютъ характеристику только тогда, когда совмѣщаются въ лицѣ въ весьма большомъ числѣ. Эти признаки столь часты и у несудившихся людей, что надо было прибѣгнуть къ гипотезѣ *скрытаго преступника* (delinquente latente), который не имѣлъ еще случая заявить свое предрасположеніе къ преступленію. Не только всѣ признаки вида спорны, но даже и объясненіе, даваемое школою происхожденію и непрекращающемуся комплектованію вида, оказывается весьма сомнительнымъ и даже фантастическимъ. Не доказано, что изначала, въ до-историческія времена, нормальнымъ типомъ былъ человѣкъ-преступникъ, разучившійся злодѣйствовать только подъ вліяніемъ цивилизаціи. Данныя исторіи, восходящія до отдаленнѣйшихъ временъ, обнаруживаютъ признаки доброты, мягкости и простоты семейной жизни у племенъ, пребывающихъ въ до-государственномъ состояніи. Потомъ, вслѣдствіе роковой необходимости защищаться, воевать, могло наступить одичаніе, регрессъ относительно старины.

Общество можетъ одичать, взятое въ цѣлой своей совокупности, — могутъ вырождаться и портиться отдѣльныя особи также и вслѣдствіе *подбора наоборотъ*, о которомъ говорилъ Гарофало, то есть, полового совокупленія лицъ хилыхъ и слабыхъ, и вслѣдствіе

того, что эти особи оказались шаткими, не устояли противъ искушеній, превратились въ нечистоплотныхъ животныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что между уродами нравственными, которые таковыми уже родились, и уродами, которые таковыми сдѣлались, есть поразительныя общія черты сходства, такъ что можно изъ этихъ признаковъ составить общій типъ *острожный* или *уголовный*, но онъ не разновидность рода человѣческаго, а только доказательство, что пребываніе въ извѣстной средѣ, напримѣръ, въ острогѣ, или даже занятіе преступленіемъ, какъ ремесломъ, налагаютъ на человѣка извѣстную печать. Въ „Запискахъ изъ Мертваго дома", воспроизводимыхъ въ главныхъ чертахъ почти всѣми итальянскими антропологами-криминалистами, Достоевскій изобразилъ изученный имъ типъ сибирскихъ острожниковъ. Независимо отъ тюремнаго отпечатка, занятіе однимъ трудомъ, усиленное упражненіе однихъ органовъ и слабое развитіе другихъ, не работающихъ — дѣлаютъ то, что по одной наружности мы можемъ опознать военнаго, священника, учителя или кузнеца. И занятія избираютъ себѣ люди, наиболѣе подходящія къ ихъ сложенію. Привычки у людей бываютъ мускульныя и нервныя, которыя легко подмѣтить. Вслѣдствіе скрещиванія и смѣшенія народа въ громадныхъ государствахъ расовые типы стушевываются,

но зато тѣмъ сильнѣе обрисовываются профессіональные, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ уголовный типъ, въ особенности типъ закоренѣлаго и неисправимаго рецидивиста. Это и есть единственный типъ преступный, уловимый съ внѣшней стороны. Классъ преступниковъ-сумасшедшихъ основанъ на логическомъ противорѣчіи: кто сумасшедшій, тотъ не преступникъ, хотя бы даже его и держали въ заключеніи. Вѣроятно, наука значительно расширитъ въ будущемъ кругъ лицъ психически больныхъ, находящихся въ состояніи невмѣняемости, такъ что въ этотъ кругъ войдутъ и многіе прирожденные преступники, насколько они своей преступности не сознавали. Преступниковъ по страстному порыву немного (около 5%); если страсть получила сознаніе, то она можетъ быть разсматриваема какъ моментальное сумасшествіе. Остальныя два подраздѣленія преступниковъ: случайные и привычные — едва ли могутъ быть разграничены, потому что всякій привычный преступникъ началъ съ того, что былъ преступникомъ по случаю, пока наклонность къ преступленію, вслѣдствіе повторенія, не сдѣлалась для него привычкою.

Итальянская школа слишкомъ долго и усидчиво занималась только зоологіею, антропометріею, подробностями тѣлосложенія, такъ что ей не хватило времени на психологиче-

скія наблюденія, а соціологія, хотя и входила въ ея намѣренія, но осталась ей на дѣлѣ чужда. Если бы вмѣсто того, чтобы ограничиваться изученіемъ съ небывалою до сихъ поръ подробностью — атавизма, эпилепсіи, алкоголизма, вліянія временъ года и проч., позитивисты занялись столь же прилежно взвѣшиваніемъ соціальныхъ факторовъ: религій, богатства, образовъ правленія, свойствъ переживаемаго историческаго момента, — то оказалось бы, что многое изъ относимаго на счетъ природы должно бы было быть поставлено на счетъ обществу и его плохому устройству. При такой перестановкѣ вопроса произошелъ бы неизбѣжно расколъ въ лагерѣ позитивистовъ по поводу соціальныхъ факторовъ, которыхъ до сихъ поръ они не разбирали. Въ этомъ лагерѣ естественники, занимающіеся уголовнымъ правомъ, какъ наукою описательною, перессорились бы съ соціологами, своего рода метафизиками, которые, доискиваясь первопричинъ зла и не обрѣтая ихъ въ свободной волѣ, влекутъ на судбище само общество, и разрушаютъ его мысленно съ тѣмъ, чтобы потомъ зáново отстроить. Мы уже коснулись этихъ соціалистическихъ утопій въ sostitutivi penali у Ферри. Какъ бы ни были велики и всесторонни усовершенствованія законодательныя, они устранятъ только одни поводы къ тому, чтобы грѣшить и пре-

ступать законъ, но не превратятъ людей въ добрыхъ и честныхъ, не уменьшатъ числа, такъ называемыхъ „сокрытыхъ преступниковъ". Законы и учрежденія — это только оболочка и кора общества, а сердцевина, отъ которой именно все и зависитъ, это — тѣ культурно-выращенныя чувства человѣколюбія и честности, которыхъ недостатокъ, по ученію Гарофало, служитъ показателемъ естественной преступности дѣятеля. Когда эти чувства перестаютъ быть живучими, — одна шлифовка и оттачиваніе внѣшнихъ формъ быта весьма мало поможетъ.

При критической оцѣнкѣ коренныхъ началъ итальянской позитивной школы мельчаетъ и постепенно стушевывается то безусловно *роковое,* на которомъ она построена. Роковое въ природѣ — *атавизмъ* — растаяло и изъ психическаго уродства превратилось въ предрасположеніе. Роковое *соціологическое* — отвѣтственность за дѣйствія человѣка одной среды и законовъ общежитія — есть предположеніе весьма сомнительное, рискованная теорія. Остается роковое въ *мотивахъ воли,* тотъ детерминизмъ, отрицающій всякую нравственную отвѣтственность и видоизмѣняющій юридическую. Къ разбору его я и долженъ приступить.

Такимъ образомъ, оказывается, что итальянская школа не дала положительныхъ резуль-

татовъ, однако отрицательные ея результаты значительны. Она обнаружила полную несостоятельность и непригодность нынѣшней системы наказаній, легкомысленную торопливость, съ которою разбираютъ на судѣ по эмоціямъ, а не на основаніи научныхъ пріемовъ — не самого человѣка, а искусственно отдѣленное отъ его личности его дѣяніе, послѣ чего судимый человѣкъ для юстиціи исчезаетъ, и о дальнѣйшихъ его судьбахъ она перестаетъ заботиться. Такова несомнѣнная польза, которую принесла эта школа.

II.

Вопросъ о свободѣ воли. — Законы подражательности Тарда.

Итальянская положительная школа антропологовъ-криминалистовъ беретъ за исходную точку ученіе, распространившееся особенно сильно съ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, о несвободѣ воли, какъ вслѣдствіе подчиненія этой воли всеобщему закону причинности, такъ и вслѣдствіе того, что дѣйствію предшествуетъ рѣшимость, рѣшимость же немыслима безъ мотивовъ, а мотивы эти дѣйствуютъ роковымъ образомъ и непреодолимо. Если нѣтъ свободы воли, то нѣтъ

вины и нѣтъ отвѣтственности, ни нравственной, ни юридической, и нѣтъ наказанія за вину, а только самозащита общества отъ нарушителей его законовъ. Не вхожу пока въ разборъ правильности такого вывода изъ посылокъ; замѣчу только, что есть много детерминистовъ или „нецессаріанцевъ", которые, отрицая свободу воли, признаютъ за обществомъ право создавать противодѣйствующіе преступленію психическіе мотивы, то есть, грозить наказаніемъ, а затѣмъ, для поддержанія дѣйствительности этой угрозы, и наказывать. Я только констатирую, что мы стали теперь передъ вопросомъ о свободѣ воли, который необходимо либо разрѣшить, либо какимъ бы то ни было образомъ обойти.

Вопросъ глубокъ и безбреженъ, какъ море. Сначала онъ явился въ богословской формѣ предопредѣленія къ добру дѣйствіемъ божеской благодати (у св. Августина). Св. Ѳома Аквинатъ допускалъ ограниченную свободу воли у человѣка. Лютеръ возвратился къ предопредѣленію по идеѣ св. Августина. Потомъ, когда „служанка богословія", философія, освободилась, ей на рѣшеніе достался головоломный вопросъ. Она не обладала данными естествознанія, методами точнаго наблюденія явленій, происходящихъ въ мірѣ, имѣла въ своемъ распоряженіи только скудный запасъ наблюденій, доставляемыхъ внутреннимъ опы-

томъ, самосознаніемъ, и воспроизводила мысленно вселенную по этимъ даннымъ психологіи при помощи воображенія. Она была притомъ полу-религіозная, склонялась къ тому, чтобы созерцать вселенную съ точки зрѣнія абсолюта, какъ Бога-природу Спинозы, какъ саморазвившуюся идею Гегеля, какъ міровую волю Шопенгауера, — либо, въ наиболѣе узкомъ смыслѣ, раціоналистическая, сводящая всю психическую дѣятельность къ уму, анализирующему явленіе, и не подозрѣвающая, что сознаваемой дѣятельности ума предшествуютъ сложные процессы чисто психическаго свойства въ безсознательномъ. То были еще продолжающіеся Средніе вѣка. На границѣ ихъ и нашей современности, ознаменованной небывалыми успѣхами естествознанія, у самаго входа въ нашу эпоху, сталъ геніальнѣйшій изъ геніальныхъ философъ Иммануилъ Кантъ, родоначальникъ новой философіи, которая движется сообщеннымъ имъ толчкомъ ей, поминутно къ нему возвращаясь, несмотря на недостаточность и незаконченность открытыхъ имъ положеній. Кантъ опредѣлилъ непереступаемыя границы нашему опытному знанію, которое имѣетъ дѣло только съ относительнымъ и феноменальнымъ, и скользитъ по улавливаемой впечатлѣніемъ поверхности бытія, между тѣмъ какъ существо вещей, какимъ онѣ есть сами въ себѣ, и ихъ при-

чинность для ума безусловно недоступны. Кантъ сразу подсѣкъ трансцендентную метафизику прошедшаго, населявшаго міръ, если не живыми человѣкообразными существами, то фантастическими отвлеченностями въ родѣ субстанцій, силы, способностей, причинъ. Оказалось, что условные знаки изображаютъ невѣдомую подкладку извѣстныхъ серій явленій. Кантъ и есть основатель новѣйшаго агностицизма, то есть, того непознаваемаго, которое составляетъ темный фонъ нашего мышленія. Затѣмъ, въ области волевой, практической, Кантъ рѣшительно отдѣляется отъ сенсуалистовъ, отъ людей, выводящихъ мораль изъ эгоизма, изъ прирожденнаго стремленія къ удовольствію, къ счастію, и заключающихъ изъ того, какъ дѣйствуетъ человѣкъ, о томъ, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать. Руководящими для воли началами Кантъ ставитъ сверхчувственную, наблюденію неподлежащую,—душѣ, какъ „ноумену", то есть, вещи самой въ себѣ, присущую и непосредственно созерцаемую—идею долга. Эта суровая, строгая, независимая отъ чувственности апріорическая мораль является въ видѣ *категорическаго императива*, то есть, прямого велѣнія.

Не буду подвергать критикѣ это ученіе Канта, философски неудовлетворительное, вслѣдствіе того, что оно совсѣмъ мистическое; я указываю только на главные этапы

философіи. Такимъ этапомъ послѣ Канта былъ позитивизмъ Огюста Конта, выбросившій за бортъ, вслѣдъ за богословіемъ, и всю метафизику, и задумавшій строить безъ нея настоящую науку. Умъ долженъ отказаться отъ погони за первоосновами, первопричинами и конечными цѣлями бытія; онъ долженъ ограничиться изученіемъ однихъ постоянныхъ отношеній между вещами, основанныхъ на сходствѣ и послѣдовательности явленій, то есть, открытіемъ законовъ жизни. Но и позитивизмъ кончается, — онъ былъ переходнымъ фазисомъ въ развитіи философіи. Метафизика воскресла, — не прежняя, но преобразованная; она признается законнорожденнымъ дѣтищемъ ума, необходимымъ дополненіемъ положительнаго знанія, имѣющимъ свои особыя задачи.

Единственнымъ орудіемъ знанія служитъ опытъ, либо внутренній надъ своею душою, либо внѣшній. Матеріаломъ служатъ явленія, наблюдаемыя чувствами. Пріемы, необходимые для успѣховъ знанія, суть, съ одной стороны, спеціализація наблюденій, съ другой — перенесеніе, по аналогіи, выведенныхъ изъ наблюденій законовъ изъ однѣхъ спеціальныхъ областей знанія на другія. Никакая спеціальная наука не въ состояніи дать окончательнаго обобщенія всѣхъ знаній. Каждая выражаетъ своими положеніями, точно алгебраи-

ческими условными знаками, извѣстный уголокъ, частицу цѣлаго. Знаки эти передаютъ понятія, якобы извѣстныя, а между тѣмъ весьма мало извѣстныя и неопредѣленныя; нѣкоторыя изъ этихъ понятій суть концентрированныя наблюденія, а нѣкоторыя, можетъ быть, формы нашего мышленія. Эти данныя, каковы теперь: сила, пространство, число, время и тому подобныя, предполагаются сопровождающими всякое движеніе и потому не поясняются. Умъ нашъ способенъ сдѣлать предметомъ изслѣдованія эти высшія отвлеченія, отдѣленныя отъ своего базиса, подвергнуть ихъ критикѣ для точнаго опредѣленія ихъ содержанія (теорія познанія, гносеологія) и завершить знаніе куполомъ, построить міросозерцаніе, воспроизводящее въ субъективномъ, правда, образѣ всю вселенную, всю природу, всю міровую жизнь согласно состоянію въ тотъ моментъ положительныхъ наукъ. Этотъ отраженный образъ вселенной можетъ и не претендовать на воспроизведеніе ея — точное; вселенная въ этомъ образѣ окрашена въ цвѣтъ личнаго темперамента созерцателя; она — вселенная въ томъ только видѣ, въ какомъ ее мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ имѣть созерцатель. По выраженію Фулье (Avenir de la métaphysique, 1889), она есть метафизика *имманентная*, въ предѣлахъ настоящаго бытія, въ противоположеніи бывшей

въ ходу въ прежнія времена трансцендентной. Она не поэзія идеала, какъ ее себѣ представляли Ланге и Ренанъ, потому что не изобрѣтаетъ небывальщинъ, фикцій, а доискивается настоящаго смысла жизни, хотя и сознаетъ, что не можетъ его вполнѣ раскрыть. Метафизика опирается, конечно, на результаты положительныхъ наукъ, но она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ сужденій гипотетическихъ, то есть, по даннымъ опыта частичнаго, растягиваемыхъ и обобщаемыхъ; она весь міръ пытается представить въ видѣ цѣлаго, приведеннаго къ одному началу. Нѣтъ науки, могущей обойтись безъ гипотезъ. Многіе дошли до результатовъ только тѣмъ, что смѣло ставили гипотезы, потомъ блистательно оправдавшіяся. Гипотеза есть сильнѣйшее оружіе въ борьбѣ съ непознаваемымъ и даже съ незнаемымъ; часто случалось, что непознаваемое оказывалось только незнаемымъ и даже неизвѣстнымъ. Въ этой борьбѣ знанія метафизика была и есть передовой застрѣльщикъ. Ея участіе въ области морали незамѣнимо ничѣмъ, такъ какъ этика есть наука насквозь метафизическая, ставящая неразрѣшимыя посредствомъ прямого наблюденія задачи и не дающая никакихъ рѣшеній, кромѣ гипотетическихъ, а слѣдовательно, не окончательныхъ,— объ удовольствіи, счастіи, добрѣ, идеалѣ дѣйствія, долгѣ, свободѣ воли. Не приступая къ

рѣшенію послѣдняго изъ этихъ вопросовъ, я долженъ нѣсколькими чертами обозначить нынѣшній его фазисъ съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить, склоняются ли нынѣ мнѣнія къ тому рѣшенію, которое ему давали детерминисты, и въ томъ числѣ итальянскіе антропологи позитивисты.

Прежде всего я долженъ устранить всѣ ученія о свободѣ воли, трансцендентной волѣ человѣка, предполагаемой міровой. Съ 1887 г. по 1889 г., вопросъ о свободѣ воли разбирался въ московскомъ Психологическомъ обществѣ, отдѣльные рефераты изданы въ особой книжкѣ 1889 г. „О свободѣ воли". Въ одномъ изъ рефератовъ профессоръ Н. Гротъ говоритъ: „воля личности есть обособившійся элементъ всеединой вселенской воли" (92). Я становлюсь на точку зрѣнія одного изъ московскихъ референтовъ, проф. Корсакова, и предполагаю волю только тамъ, гдѣ есть душа, слѣдовательно, въ человѣкѣ. Начну съ того, что уму человѣка присуще понятіе причинности — плодъ внутренняго наблюденія, обобщеннаго въ законъ, распространенное потомъ на весь міръ, хотя внѣ своего сознанія человѣкъ не наблюдалъ его и найти бы не могъ. „Хочу что-нибудь сдѣлать" (дѣйствіе потенціальное); „дѣйствую" (возможность, превратившаяся въ актъ); „я сдѣлалъ и узнаю себя въ произведеніи". Этотъ психологиче-

скій опытъ надъ самосознаніемъ, перенесенный во внѣшнюю природу, является у дикаря въ грубой формѣ антропоморфизма или фетишизма: весь міръ по его понятіямъ населенъ богами, духами, живыми существами, прихотливыми и своенравными. Съ ходомъ развитія законъ причинности преображается и пріобрѣтаетъ колоссальное значеніе. Весь міръ упорядоченъ, нѣтъ случайныхъ явленій, все сущее превращено въ густую сѣтку причинъ и слѣдствій, и явилась возможность предусматривать будущее, — чего бы не могло быть, если бы нельзя было по предшествующему и обусловливающему предвидѣть наступленіе неизбѣжно за нимъ слѣдующаго обусловливаемаго. Эта новая причинность есть только подобіе первоначальной психологической; она чисто *механическая*. Каждое послѣдующее сводится къ своему непосредственно предшествовавшему, какъ къ своему основанію, это послѣднее — къ своему предыдущему и такъ далѣе до невѣдомаго перваго. Въ математикѣ и механикѣ дѣлаются попытки изгнать само метафизическое представленіе причинности, предполагающее связь, подобную рождаемости, между предыдущимъ и послѣдующимъ, и превратить ее въ простыя метаморфозы движенія, при сохраненіи той же энергіи или силы. Съ помощью закона причинности на механической подкладкѣ естествознаніе

сдѣлало громадные успѣхи, — сдѣлало потомъ вторженіе въ міръ самосознанія, изобрѣло опытную физіологію и психофизику, обнаружило корни и зачатки всѣхъ сознательныхъ процессовъ души въ безсознательномъ, чѣмъ довело до великой степени правдоподобія предположеніе о тождествѣ параллельно совершающихся процессовъ: физическаго — въ нервахъ, и психологическаго — въ душѣ, не превращающихся ,однако, никогда одинъ въ другой. Тогда неизбѣжно должна была произойти попытка завоевать и подчинить естествознанію единственную оставшуюся независимою отъ него область дѣяній человѣческихъ, то-есть морали, водворить и въ ней законъ механической причинности, уже господствующій въ естествознаніи, замѣнивъ этою механическою причинностью другую непосредственную, психологическую, удостовѣряемую внутреннимъ чувствомъ. Пускай кто-либо воображаетъ себя свободно самоопредѣляющимся въ своихъ дѣйствіяхъ, но его увѣрятъ въ самообольщеніи, въ томъ, что онъ дѣйствуетъ по такой же необходимости, съ какою камень падаетъ и вода течетъ. Этотъ выводъ дѣлается при помощи слѣдующихъ соображеній.

Всякое дѣйствіе человѣка есть, выражаясь языкомъ физіологіи, рефлекторный актъ. Всякое сознательное дѣйствіе или дѣяніе представляется сознанію какъ особаго рода пси-

хическій волевой процессъ, сопровождающій и осложняющій процессъ въ нервахъ. Та перемѣна, которую человѣкъ произвелъ дѣяніемъ въ мірѣ внѣшнемъ (послѣдствія дѣянія), скована съ дѣяніемъ по закону простой физической причинности; но само движеніе въ мірѣ внѣшнемъ было только однимъ изъ звеньевъ психологическаго процесса; ему предшествовало хотѣніе, консолидировавшееся до степени рѣшенія. Какъ только состоялась рѣшимость — осуществлявшее его движеніе стало явленіемъ необходимымъ и роковымъ. Но самой рѣшимости неизбѣжно предшествовало представленіе въ умѣ о послѣдствіяхъ дѣянія, какъ о цѣлевой или конечной причинѣ (causa finalis), ради которой движеніе совершалось. Отъ другихъ присущихъ сознанію представленій это представленіе отличается тѣмъ, что другія воспроизводятъ мысленно отношенія вещей, какія есть, а оно — творческое, съ новою группировкою условій возможности будущаго, становящагося предметомъ *воли* и *рѣшимости*. Это представленіе, цѣлевое, или *телеологическое*, давъ толчокъ волевому движенію, стало двигателемъ, или *мотивомъ* дѣйствія. Образованіе такихъ цѣлевыхъ представленій можетъ быть и непроизвольное (по внезапному вдохновенію), но обусловленное мотивомъ волевое явленіе всегда сопровождается усиліемъ, расходомъ энергіи. Самъ

толчокъ кажется намъ исходящимъ отъ нашей же воли, то есть, отъ нашего *я*, а потому спрашивается: не былъ ли онъ необходимъ, какъ все, что въ природѣ происходитъ? Тутъ-то и ставилось поборниками вольной воли произвольное и нелѣпое представленіе о волѣ, какъ о способности выбирать одно изъ противоположныхъ направленій, рѣшаться по произволу, то есть, по неосмысленному случаю, на одно или противное ему другое, подбирая по прихоти тотъ или другой мотивъ. Такъ называемая *свобода безразличія* есть небывальщина, пустая отвлеченность, которую можно измыслить, но не наблюдать, и которая получится только тогда, когда мы волю возьмемъ какъ нѣчто формальное и вычтемъ, такъ сказать, изъ нея все ея содержаніе, то есть, когда она уже не будетъ воля, а нуль или ничто (хотѣніе, чтобы ничего не хотѣть). Мотивъ не избирается нами, но самъ навязывается намъ и заполоняетъ нашу волю съ большею или мѐньшею силою, такъ что онъ бываетъ не только импульсивнымъ, то есть, толкающимъ насъ на дѣйствіе, но иногда, по выраженію Канта, и категорически императивнымъ, то есть, непреодолимымъ, и превозмогаетъ всякіе другіе мотивы, какіе только мыслимы. Если мотивъ непроизволенъ, если въ душѣ происходитъ между идейными представленіями-мотивами борьба за существова-

ніе, — при чемъ имѣющійся въ наличности сильнѣйшій всегда побѣдитъ и увлечетъ человѣка, — то какое же мѣсто можетъ быть отведено въ первой части рефлекторнаго процесса такъ-называемой свободѣ воли? Если обратнымъ ходомъ будемъ восходить къ первопричинамъ дѣйствій, то натолкнемся на два антецедента, устраняющіе свободу воли: во-первыхъ, на сложившійся характеръ лица, совокупность привычекъ откликаться почти автоматически на внѣшнія раздраженія, впечатлѣнія, а затѣмъ на то самое нервное раздраженіе или возбужденіе, съ котораго рефлекторный актъ начался. Такимъ образомъ, воля есть специфическое ощущеніе, сопровождающее заключительную двигательную часть рефлекторнаго акта. Сама она дѣйствій не опредѣляетъ; дѣйствія эти запечатлѣны характеромъ необходимости; автономія воли есть чистый призракъ, представленіе, лишенное всякой реальности.

Этотъ выводъ одностороненъ и ошибоченъ, потому что смѣшиваетъ феноменальную физическую причинность съ психологическою причинностью идей-мотивовъ, созерцаемыхъ непосредственно внутреннимъ чувствомъ. Если мы станемъ изучать дѣяніе какъ рефлекторный актъ, то уже въ началѣ его, въ воспріятіи ощущенія найдемъ, что пресѣкается возможность связать по закону причинности внѣшній

толчокъ съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ можетъ произвести въ душѣ. Внѣшній міръ не входитъ ни въ малѣйшей долѣ внутрь насъ, въ ощущенія, а происходитъ только въ доходящемъ до мозга вибрированіи нервовъ реакція внутренней энергіи мозговыхъ клѣтокъ. Эти вибраціи ощущаются душою какъ символически только воспроизводящія свойства и отношенія міра внѣшняго. Самъ рефлексъ необычайно сложенъ; чувственное раздраженіе не всегда тотчасъ переходитъ въ волевое; иногда задержка его длится мѣсяцы и годы, такъ что отъ этихъ задержаній въ центральной части рефлекторнаго снаряда происходитъ большое накопленіе свободной энергіи. Иногда сильный даже толчокъ безслѣдно поглощается центромъ, а иногда и малый достаточенъ для разряженія накопившейся энергіи сильнымъ взрывомъ. Самъ резервуаръ энергіи колоссаленъ; это настоящій microcosmus, совокупность идей, чувствованій, воспоминаній даннаго лица, въ скрытомъ состояніи въ немъ пребывающихъ, но отъ всякаго толчка могущихъ проявиться и вихремъ пронестись. Внѣшній толчокъ, то есть, предыдущее, не можетъ быть разсматриваемъ какъ достаточное основаніе послѣдующаго, то есть, разряженія накопившейся энергіи; подобно тому, невозможно доказать не только то, что вливающіяся въ Черное море воды Днѣпра, Дуная и другихъ

рѣкъ суть причина морского теченія, несущаго воды Чернаго моря чрезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное море, но еще большее, а именно, что только изъ однѣхъ рѣчныхъ водъ, вливающихся въ Черное море, образуется морское теченіе чрезъ проливы. Прибавка припасенной энергіи къ движенію, вызванному слабымъ стимуломъ, ощущается какъ несвязанная по необходимости съ этимъ стимуломъ и какъ автономія самосознанія, проявляющаяся въ волевомъ дѣйствіи.

Точно такимъ же образомъ падаетъ и другой доводъ феноменальной необходимости, заключающійся въ сложившемся постоянствѣ характера дѣйствующаго лица. Конечно, всякая человѣческая особь со всѣми унаслѣдованными физическими свойствами и психическими предрасположеніями, подъ вліяніемъ среды въ теченіе долгаго опыта жизни, пріобрѣтаетъ навыкъ откликаться извѣстнымъ образомъ, почти автоматически, на возбужденія извнѣ, такъ что, зная эти привычки, мы съ нѣкоторою вѣроятностью можемъ предугадывать, какъ это лицо въ данномъ случаѣ и положеніи поступитъ. Нельзя отрицать причинности этихъ привычекъ, зависимости отъ нихъ всякихъ психическихъ процессовъ мышленія, чувствованія и воли. Онѣ подобны рельсамъ, по которымъ совершаются жизненныя психическія отправленія съ неимовѣрною быстротой; но,

во-первыхъ, это были сначала волевые рефлексы, пока не сдѣлались автоматическими—значитъ, характеръ есть окончательный результатъ нѣсколькихъ факторовъ, въ числѣ которыхъ имѣется и настроеніе воли самого лица; притомъ, *во-вторыхъ,* онѣ составляютъ одинъ, не дѣлящійся на части, нравственный обликъ лица. Сказать, что дѣйствія человѣка зависятъ отъ его характера, а не отъ случайно присущаго въ его сознаніи въ данный моментъ мотива, приведеннаго въ дѣйствіе по ассоціаціи идей, значитъ опять пресѣчь феноменальную причинную связь предыдущаго съ послѣдующимъ, потому что, коль скоро мы заговорили о характерѣ, то мы вступили въ отдѣльный бассейнъ моря умственности извѣстнаго лица. Въ этой области конкретнаго характера нельзя различить, что́ свободно и что̀ необходимо; обусловливающее не имѣетъ вовсе рокового характера непреложной необходимости; детерминизмъ и свобода сливаются и существуютъ, не враждуя между собою. Въ этой области конкретнаго человѣческаго характера на первомъ планѣ стоитъ объединяющее и все къ себѣ, какъ къ центру, притягивающее самосознаніе, то есть, человѣческое *я,* автономное, въ себѣ усматривающее живую, а не механическую причину расточаемой по всѣмъ направленіямъ энергіи. Детерминисты, объясняющіе проявленія мотивовъ прос-

тою ассоціаціею идей, не отводятъ никакого мѣста элементу самосознанія; они его смѣшиваютъ съ сознаніемъ. Сознанія не лишенъ и сумасшедшій; даже и мотивы дѣйствія не чужды ни сумасшедшему, ни дѣйствовавшему по гипнозу человѣку, который хотя явно дѣйствовалъ по чужой, внушенной ему волѣ, но придумываетъ ложные мотивы для объясненія самому себѣ — непонятныхъ безъ такихъ мотивовъ — своихъ же поступковъ. Коренная ошибка психологовъ, изучающихъ явленія воли по методамъ естествознанія, заключается въ томъ, что они наблюдаемое въ сознаніи внутреннимъ чувствомъ искажаютъ, переиначиваютъ и представляютъ себѣ въ видѣ совсѣмъ превратномъ, не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Процессъ самосознанія, взаимныхъ превращеній хотѣній, идей, эмоціи и движеній воли разлагается мысленно аналитически на состоянія души, располагаемыя вереницами въ видѣ явленій предыдущихъ и послѣдующихъ, обусловливающихъ и обусловливаемыхъ, по логическому закону причинности. Всѣ эти мысленно отдѣляемыя одни отъ другихъ состоянія сознанія получаютъ видъ самостоятельныхъ особей, точно тѣла небесныя, тяготѣющія одни къ другимъ во времени и въ пространствѣ. То *я* самосознанія, которое ихъ проникало и одушевляло, превращается въ чисто формальную связь, въ тонкую ни-

точку, на которую всѣ они нанизаны. Психическій микрокосмосъ, разсматриваемый чрезъ такое стекло, является чѣмъ-то безжизненнымъ, чистѣйшимъ механизмомъ, движущимся какъ заведенные часы. Этотъ взглядъ съ замѣчательною ясностью изложенъ у Бергсона въ книжкѣ: Essai sur les données immédiates de la conscience, Paris, 1889, въ которой авторъ представляетъ именно возможность созерцать себя, какъ вещь совершенно внѣшнюю, неодушевленную.

Въ заключеніе нашихъ соображеній о причинности замѣтимъ, что одно и то же слово: причина — прикрываетъ иногда совершенно различные предметы. Еще Аристотель различалъ четыре рода причинъ: *матеріальную, формальную, дѣятельную* (causa efficiens) и цѣлевую или *конечную* (causa finalis). Допустимъ, что строится домъ. Вещественную причину составляетъ матеріалъ, дерево или камень, изъ котораго онъ выстроенъ; формальную — самая идея произведенія: домъ, а не иное сооруженіе; дѣятельная причина заключается въ лицѣ создателя, который былъ предпринимателемъ постройки; наконецъ, конечная — въ цѣли и назначеніи постройки, напримѣръ, для жилья. Нынѣ два первые рода причинъ вышли изъ употребленія: подъ словомъ причина — разумѣются данныя, обусловившія происшедшую перемѣну въ порядкѣ

вещей или отношеній. Два послѣдніе рода причинъ сохранили свое значеніе; они отвѣчаютъ на два разные вопроса: отчего и зачѣмъ? — Совершено убійство. Отчего оно произошло? Оттого, что X., рѣшившись совершить его, взялъ ружье, прицѣлился въ M., выстрѣлилъ, и пуля попала въ цѣль.— Зачѣмъ оно совершено? — Затѣмъ, чтобы отмстить M. или ограбить его. Первымъ отвѣтомъ опредѣлялась causa efficiens, вторымъ— causa finalis. Волевые мотивы принадлежатъ всецѣло къ разряду конечныхъ или цѣлевыхъ. Наша воля участвуетъ лишь въ малой долѣ въ мышленіи; результаты мышленія, то есть, сочетанія идей въ умѣ, въ значительной степени непроизвольны: въ числѣ ихъ есть и настоящія предвосхищенія будущаго, то есть, предвидѣнія послѣдующаго, если бы явились предыдущія въ образѣ цѣлесообразно дѣйствующаго лица; безчисленныя этого рода предвидѣнія мелькаютъ въ сознаніи и, западая въ него, хранятся въ памяти въ скрытомъ состояніи, пока которое-нибудь изъ нихъ не обратится въ активную силу, въ волю. Здѣсь-то и возгарается споръ между индетерминистами и детерминистами. Одни говорятъ: лицо выбрало мотивъ дѣйствія по произволу; другіе говорятъ: оно было увлечено къ дѣйствію мотивомъ. Свобода, — говорятъ одни, разумѣя безсодержательный произволъ; но это нелѣпо,

Другіе говорятъ: неволя; это тоже невѣрно, потому что идея-мотивъ, прежде чѣмъ заполонила волю, не могла не вызвать по ассоціаціи всѣ родственные ей противоположные мотивы. Зависимость отъ всѣхъ мыслимыхъ идей-мотивовъ въ совокупности есть уже свобода, точно такъ какъ и въ обществѣ свобода отдѣльнаго лица заключается не въ томъ, чтобы онъ ни отъ кого не зависѣлъ, но чтобы онъ отъ всѣхъ въ совокупности зависѣлъ по нормѣ закона. Въ большинствѣ случаевъ даже неуловимъ внѣшній толчокъ, начинающій волевое движеніе, такъ что *я* является единственно сознаваемою самопричиною послѣдствій дѣянія, потому что предвидѣніе послѣдствій дѣянія уже существовало въ немъ до начала волевого акта и усвоено имъ, когда это идейное будущее стало его добровольнымъ хотѣніемъ, то есть, хотѣніемъ какъ своего добра; наконецъ, потому что въ содѣянномъ оно можетъ не признать себя, какъ механическую его причину. Такимъ образомъ, можно пріискать логически столько же доводовъ за, сколько и противъ идеи свободы воли; они подобны стеклу одинаковой толщины, выпуклому на одной, вогнутому на другой его поверхности. Главный камень преткновенія въ этомъ вопросѣ тотъ, что если мы пойдемъ слишкомъ рѣзко противъ метода естественныхъ наукъ, выразившагося въ ученіи детер-

министовъ, то мы разойдемся съ истиною, потому что во многихъ отношеніяхъ дѣятельность нашего *я* въ волевыхъ актахъ далеко не свободна, — на что и постараюсь указать.

То *я* самосознанія, которое, дѣйствуя цѣлесообразно, объясняетъ себѣ свои дѣйствія и несетъ за нихъ и нравственную и юридическую отвѣтственность, — есть понятіе крайне сложное и по содержанію своему, по крайней мѣрѣ, двойственное. Долго психологія вращалась только въ области сознаваемаго; нынѣ она изучаетъ глубокіе корни сознаваемыхъ процессовъ въ несознаваемомъ, въ физическихъ основахъ организма; она превратилась въ психофизику. Сознаваемое превратилось въ залитую солнцемъ горную вершину, между тѣмъ какъ среднія части горы въ полутѣни, а подножіе въ полномъ мракѣ. Если при свѣтѣ этого различія станемъ изучать наше *я*, то оно окажется двойное. Чаще всего, когда мы о немъ помышляемъ, оно есть *я* психологическое, разумное, самоуправляющее и дѣйствующее только цѣлесообразно по конечнымъ причинамъ. Это и есть *я*, которое Бергсонъ называетъ наружнымъ. Это *я* идеальное, воображаемое, какимъ оно должно быть; когда же оно таковымъ не бываетъ, то мы страдаемъ, испытывая, такъ называемые, укоры совѣсти. Но есть еще другое *я* — реальное, назовемъ его психофизическимъ:

это — ветхій человѣкъ, котораго нельзя съ себя совлечь, *я* глубокое и темное. Новѣйшая психологія допускаетъ существованіе въ одномъ и томъ же субъектѣ нѣсколькихъ такихъ зачаточныхъ сознаній, децентрализацію личности на нѣсколько разныхъ *я*. Источники сознанія бываютъ всегда мутные: кровь, раса, физическіе, и даже психическіе, недостатки предковъ, необъяснимыя эмоціи и взрывы чувства, слѣпые импульсы, съ которыми нелегко совладать, и для осмысленія коихъ мы выдумываемъ post factum небывалые мотивы, оказывающіеся только предлогами, броженіе враждующихъ элементовъ, неясныя, похожія на бредъ промежуточныя состоянія, вторгающіяся въ область сознательнаго, разстроивающія наши представленія и заставляющія насъ дѣйствовать нецѣлесообразно, то есть, неразумно. Эти бури и потрясенія, влекущія за собою сходъ съ рельсовъ волевой самоопредѣляемости, отличаются тѣмъ именно, что они безмотивны; они — практическіе примѣры индетерминизма, психической безпричинности, но именно потому-то они уничтожаютъ или ослабляютъ отвѣтственность, какъ дѣянія лица, находившагося въ состояніи невмѣняемости.

Итакъ, споръ о свободѣ воли допускаетъ одинаковую возможность противоположныхъ рѣшеній, споръ, вытекающій изъ недоразу-

мѣнія, который надо предоставить метафизикѣ. Чурающіеся всякой метафизики, итальянскіе криминалисты напрасно надъ нимъ засиживались, напрасно вносили безусловное отрицаніе свободы воли въ свое уголовное право. Праздность этого отрицанія подмѣтилъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ (1872) Альфредъ Фулье (La liberté et le déterminisme), основавшій свою теорію свободы воли на томъ, что, если бы и было установлено, что она— самообольщеніе, то люди не могутъ, однако, не дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ этого самообольщенія и по предположенію, что они свободны; а всякая идея есть, по мнѣнію Фулье, *идея-сила*, т. е., содержитъ въ себѣ развивающійся зачатокъ осуществляющагося движенія. Пуритане, янсенисты были сильнѣйшими противниками свободы воли. Чистѣйшій кантіанецъ Леви - Брюль (1884. L'idée de la responsabilité), глубоко убѣжденный въ существованіи и свободы воли, и нравственной отвѣтственности, но въ существованіи недоступномъ познанію [1]), разграничилъ отвѣтственность нравственную и уголовную, призналъ существованіе первой изъ нихъ, но

---

[1]) Croyant au devoir nous croirons aussi à la possibilité de la réalité du libre arbitre et de la responsabilité morale... Nous n'essayerons pas de les prouver ni de les demontrer, puisque les conditions de l'intelligibilité pour nous y opposent un obstacle invincible.

лишенное всякой санкціи, такъ какъ таковою не могутъ быть укоры совѣсти — случайные и притупляющіеся отъ повторенія, и ограничилъ вторую только механическимъ воздѣйствіемъ государства, лишеннымъ нравственнаго элемента, слѣдовательно, разрѣшилъ уголовный вопросъ совершенно такъ, какъ итальянцы. Съ другой стороны, прямой детерминистъ, Н. С. Таганцевъ (Курсъ общей части угол. права, 33), раздѣляющій убѣжденія итальянцевъ о полной несвободѣ воли, убѣжденный въ томъ, что охватывающій вселенную законъ міровой причинности царитъ въ жизни человѣка и общества, — не затрудняется признать вмѣненіе и уголовную отвѣтственность, какъ признаютъ ее криминалисты-классики, потому что всѣ поступки людей подчинены закону достаточной причины, а слѣдовательно, хотя при извѣстной суммѣ причинъ и условій дѣйствіе человѣка неизбѣжно, но самые факторы, вызывающіе это дѣйствіе, несомнѣнно, подлежатъ измѣненію, ихъ можетъ измѣнять и само общество; въ числѣ ихъ имѣется наказаніе.

Итакъ, вопросъ объ отвѣтственности стоитъ прочно даже и при отрицаніи свободы воли. Это приводитъ насъ къ теоріи отвѣтственности по новымъ сочиненіямъ, появившимся уже послѣ трудовъ итальянскихъ антропологовъ. Между ними я особенно отличаю сочиненіе

Ж. Тарда о философіи уголовнаго права. Тардъ — археологъ, экономистъ и криминалистъ-соціологъ. Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ во Франціи, много лѣтъ сотрудничалъ въ издаваемомъ Рибо журналѣ „Revue philosophique", участвовалъ въ антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1885 г., издалъ въ 1886 г. прекрасный этюдъ: La criminalité comparée, а въ 1890 г. — два капитальныя, тѣсно связанныя одно съ другимъ, произведенія: Les lois de l'imitation и La philosophie pénale. Остановлюсь я пока только на первомъ изъ нихъ.

Тардъ имѣетъ то преимущество передъ классиками, — напримѣръ, передъ нѣмецкими криминалистами, — что онъ учился, можно сказать, у итальянцевъ, работалъ съ итальянцами въ одной лабораторіи. Ломброзо призналъ печатно, что критика у Тарда его труда Uomo delinquente есть самая ловкая и самая глубокая изъ всѣхъ появившихся въ печати. Тардъ тоже, какъ и итальянцы, детерминистъ, но онъ не фанатикъ. Для него не существенно, свободна ли воля человѣка или несвободна, а существенно то, существуютъ ли особи или онѣ — воплощенія отвлеченностей, какъ единственныхъ реальностей, — старый споръ между номиналистами и реалистами, восходящій къ XII вѣку. Посредствомъ отвлеченія можно себѣ представить вселенную въ

образѣ проявляющихся однообразными и, такъ сказать, прямолинейными движеніями стихійныхъ силъ, производящихъ каждый разъ совершенно одинаковыя повторенія одного и того же, при чемъ произволъ отнесенъ только въ міровую волю; онъ существуетъ въ первопричинѣ сущаго, устроившей вселенную. Но можно созерцать вселенную и съ другого конца. Прямолинейное движеніе — такая же небывальщина, какъ математическая точка или линія. Нѣтъ въ живыхъ организмахъ, начиная съ растенія, такихъ, которые бы жили только повторяясь. Каждая особь имѣетъ, хотя бы крошечное своеобразіе, и вибрируетъ не такъ, какъ другія. Эта элементарная подфеноменальная произвольность несомнѣнно воздѣйствуетъ и на деспотизмъ регламента, и на законъ, предопредѣляющій явленіе. Эту свободу произвола Тардъ допускаетъ, но онъ ею надѣляетъ всѣ живущія органическія существа.

Другая еще болѣе крупная особенность Тарда заключается въ томъ, что онъ не по имени только, а и въ дѣйствительности *соціологъ*. Извѣстна позитивистическая классификація наукъ, основанная на постепенно увеличивающейся сложности міровыхъ явленій и на уменьшающейся всеобщности, господствующей въ каждой спеціальной области жизни законовъ. Есть міръ физическій, управляемый

законами физики, химіи, механики; господствующее здѣсь явленіе волнообразное вибрированіе атомовъ, молекулъ всякаго тѣла. Есть, затѣмъ, міръ органическихъ веществъ, съ законами біологическими, распространяющимися и на человѣка (антропологія). Свойственное этой области бытія повторительное движеніе есть наслѣдственность, — воспроизведеніе особями другихъ особей, созданныхъ по тому же типу. Есть, наконецъ, міръ общественный, въ которомъ господствуетъ особая форма движенія — подражательность, спорадическая или эпидемическая, медленно видоизмѣняемая нововведеніями — геніальными изобрѣтеніями ума человѣческаго, новыми сочетаніями уже существующихъ вѣрованій, желаній, обрядовъ, формъ и учрежденій. Бывъ повторены подражательно милліоны разъ милліонами людей, эти изобрѣтенія могутъ видоизмѣнить обликъ народа и человѣчества. Всѣ подражанія сводятся въ сущности къ двумъ только статьямъ: вѣрованія или желанія, иными словами: идеи и потребности, соотвѣтствующія тому, что̀ въ физикѣ изображаютъ матерія и сила, а въ біологіи — органы и функціи, или статика и динамика. Когда выяснится значеніе подражательности, какъ главнаго фактора исторіи, то вся исторія сведена будетъ къ слѣдующимъ явленіямъ: 1) появленіе на дальнихъ разстояніяхъ и съ громадными

промежутками времени нововведеній, геніальныхъ идей, новыхъ сознанныхъ потребностей; 2) ихъ интерференція или скрещиваніе, причемъ онѣ или нейтрализуютъ, или страшно потенцируютъ, дѣйствуя — вѣра на вѣру, стремленіе на стремленіе, вѣра на стремленіе или стремленіе на вѣру; 3) ихъ подражательное размноженіе, если оно можетъ совершаться безпрепятственно, — и оно можетъ быть наблюдаемо посредствомъ двухъ наукъ, посвященныхъ исторіи культуры: археологіи и статистики. Повторенія нововведеній не представляютъ ничего загадочнаго, но нововведеніе бываетъ всегда внезапно, нечаянно и совершается въ силу того, что́ называется у сочинителей вдохновеніемъ. Новый взглядъ на исторію повлечетъ за собою и новое пониманіе человѣческаго общества. Оно было опредѣляемо донынѣ либо экономически, какъ совокупность людей, соединенныхъ взаимностью услугъ, либо юридически, какъ совокупность людей, обязательно подчиненныхъ господствующей надъ ними власти. Исторически юридическое опредѣленіе ближе къ дѣйствительности. Насиліе было первороднымъ грѣхомъ всѣхъ вновь образующихся обществъ, и только со временемъ механически сплоченные атомы ассимилировались подражательно (par une imitation contagieuse), и, такимъ образомъ, организовались. Всѣ полубоги начинающихся

цивилизацій были деспоты, люди властные и жестокіе, но пользующіеся необыкновеннымъ престижемъ; ихъ не только боялись, но ихъ любили и имъ подражали ,бо́льшею частью, безсознательно. Мыслить и чувствовать самостоятельно труднѣе, нежели мыслить и чувствовать по чужому внушенію. Жизнь общественная вездѣ имѣетъ видъ коллективнаго гипноза. Общество вообще есть союзъ людей извѣстнымъ образомъ подражающихъ. Быть общительнымъ человѣкомъ значитъ попадать сразу въ тонъ каждой общественной среды, подражать другимъ особямъ той же среды и по идеямъ, и по эмоціямъ, и по наружному виду. Своеобразенъ и геніаленъ только тотъ человѣкъ, который имѣетъ рѣдкую способность уединяться.

Во всѣхъ великихъ областяхъ бытія — религіи, морали, искусствѣ — людей толкаютъ впередъ ихъ потребности, ихъ желанія, а стремятся люди — къ спокойствію вѣрованій и твердыхъ убѣжденій. Совершенствуется организація цѣлаго, но настолько же слабѣютъ страстные порывы желаній, такъ что конечная цѣль культуры заключается въ томъ, чтобы съ наименьшею тратою силъ и энергіи осуществить наибольшее количество добра *).

*) Le véritable et final objet du désir, c'est la croyance; la seule raison d'être des mouvements du coeur, c'est la formation des hautes certitudes. Plus une société a pro-

Культура есть единеніе, наиболѣе глубокое и обширное, въ общемъ идеалѣ — будь это иллюзія, — и что всего важнѣе, она состоитъ въ общемъ стремленіи къ осуществленію этого идеала, которое отъ одного своего безконечнаго повторенія изъ импульсивнаго мотива превращается въ категорическій императивъ, въ долгъ совѣсти, въ нѣчто такое, что одержимый этимъ мотивомъ человѣкъ исполняетъ какъ не свою, а высшую волю (morale heteronome). Эта высшая воля и есть мораль общественная. Такое общественное происхожденіе морали изображено Тардомъ весьма сильно и убѣдительно. Возьмемъ дикаря; онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: хочу убить врага (первая посылка — цѣль); могу его убить отравленною стрѣлою (вторая посылка — средство); я долженъ его убить (выводъ). Этотъ силлогизмъ вытекаетъ изъ личнаго мотива причины конечной, но его можно построить и на не-личномъ мотивѣ, напримѣръ: государь или жрецъ приказалъ; благо колѣна или слава и господство Аѳинъ или Рима того требуютъ; самъ Богъ велитъ. Тогда эта большая посылка становится страшно авторитетна, безусловно императивна; отъ частаго повторенія логическія предпосылки вывода отпада-

gressé, plus on trouve en elle des convictions fortes et des passions mortes.

ютъ, требованіе становится абсолютнымъ, безапелляціоннымъ, божескимъ, но вся причина конечная такого дѣянія заключается только въ цѣли, достигаемой общими силами, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, по одной только заразительности подражательнаго увлеченія. Такимъ образомъ, по теоріи Тарда, къ двумъ силамъ, которымъ подчиняется воля по ученію детерминистовъ — *внѣшнее раздраженіе и окостенѣлость характера,* — присовокупляется третье, можетъ быть еще болѣе крупное: стадное чувство *,подражательность,* непреодолимое влеченіе къ тому, чтобы дѣлать то же, что́ дѣлаютъ другіе.

Эволюція подражательности имѣетъ свои фазисы. Первый ея фазисъ – подражательность патріархальная, обычай, обожаніе стариннаго, колѣнопреклоненіе предъ стариною. Nihil mihi antiquius est, — говорилъ Цицеронъ („древнѣе для меня ничего нѣтъ"), вмѣсто того, чтобы сказать: дороже для меня ничего нѣтъ. Наступаетъ, однако, время, когда надъ подражаніемъ старинѣ беретъ верхъ подражаніе иностранному. Обычай изгоняется модою, распространяющеюся тоже подражательно (tout nouveau — tout beau). Послѣ этого второго фазиса наступаетъ обыкновенно третій: образованіе изъ разнообразныхъ элементовъ — своихъ собственныхъ и усвоенныхъ иностранныхъ — своеобразной національной цивилиза-

ціи, послѣ чего идутъ опять фазисы обычая и моды, и такъ далѣе до безконечности.

Изъ этого краткаго очерка усматривается, насколько сочиненіе Тарда о законахъ подражательности богато содержаніемъ для соціологіи вообще и въ особенности для уголовнаго права. Преступность распространяется въ обществѣ преимущественно подъ вліяніемъ присущей человѣку склонности къ подражанію, но эту подражательность можно сдерживать примѣрными наказаніями или острасткою.

III.

Уголовная теорія Тарда. — Отвѣтственность, невмѣняемость, преступники, преступленіе.

По мнѣнію Тарда, уголовная теорія котораго подлежитъ теперь разбору — настоящій вѣкъ для уголовнаго права и его науки есть именно тотъ золотой вѣкъ, который мы теперь переживаемъ, — вѣкъ уменьшившейся преступности и значительнаго смягченія нравовъ, а не вѣкъ варварства и не вѣкъ законченной, устоявшейся и успокоившейся въ тихомъ и едва замѣтномъ движеніи цивилизаціи. Въ періодѣ варварства немыслима сама идея карательнаго права, и существуетъ одна обя-

занность карать жестоко и внушительно, чтобы установить какой-либо матеріальный порядокъ и искоренить разбойничество, свирѣпствующее и въ одиночку, и въ особенности шайками. Когда прекратился разливъ преступности и она вошла уже въ свое русло, наполняя его по края и только изрѣдка и моментально выступая изъ своихъ береговъ, тогда она становится самымъ удобнымъ предметомъ для изслѣдованій и для опытовъ. Станетъ опять усиливаться преступность — тогда и общество займется укрощеніемъ ея, кое-что измѣнитъ въ наказаніяхъ, умножитъ и упорядочитъ тюрьмы и совладаетъ, въ концѣ концовъ, съ преступностью. Вся трудность задачи нынѣ не въ приращеніи преступности, а въ томъ, что она совпадаетъ съ кризисомъ въ морали. Мораль измѣняется, модернизируется, старые ея устои: — такъ Богъ велѣлъ, того отечество требуетъ, того отъ меня требуетъ долгъ совѣсти — расшатаны. Вѣру замѣнилъ еще въ XVIII столѣтіи разумъ; для образованнаго человѣка вездѣ, гдѣ онъ ни поселится, можетъ быть отечество; соціализмъ давно проповѣдуетъ бытіе безъ отечества. Наконецъ, долгъ совѣсти или категорическій императивъ становится остаткомъ миѳологіи и проваливается со всѣми апріористическими идеями, исчезающими какъ призраки предъ философіею эволюціи. Идеалисты высокаго полета, въ

родѣ Гюйо, пытались установить мораль sans obligation ni sanction, но эта затѣя не удалась. Утилитарная англійская мораль не удовлетворяетъ никого. Эволюціонная мораль Герберта Спенсера, заложенная, по словамъ Тарда, въ видѣ пирамиды, вышла чѣмъ-то въ родѣ наклонной башни въ Пизѣ и, въ концѣ концовъ, нынѣ рушится; — печальнѣе же всего то, что, подъ знаменемъ научнаго детерминизма, ученые принялись дружно и съ разныхъ сторонъ подрывать и принижать человѣческое „я“, приводить его къ нулю, отнимать у него энергію дѣйствія, увѣренность въ самомъ существованіи опредѣляющейся къ дѣйствію воли и объявлять это „я“ несостоятельнымъ передъ лицомъ природы, или передъ лицомъ общества и государствъ, и передъ роковыми, управляющими тою или другою громадою, законами. Тардъ сознаетъ необходимость укрѣпить это „я“, низводимое на одну степень съ явленіями физической природы. Тардъ соглашается съ детерминистами, что суть вопроса заключается въ причинности, примѣняемой къ дѣйствіямъ человѣка, но онъ полагаетъ, что вопросъ дурно поставленъ. Причина дѣйствія не есть вольная воля личности, пустой пузырь безъ содержанія, а сама личность съ ея воспоминаніями, съ одной — и желаніями и надеждами, съ другой стороны. Споръ не о томъ, есть

ли у этого *я* вольная воля, то есть, можетъ ли оно нехотя хотѣть, но есть ли само это *я* нѣчто *реальное*, тождественно ли оно само съ собою въ различные моменты своего существованія, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, *я*, которое и вспоминаетъ, и рѣшаетъ, въ которомъ сплавляются всевозможныя состоянія души, не выдѣлимыя изъ него въ дѣйствительности, и только искусственно изъ него вырѣзываемыя, когда мы принимаемся его анатомировать, *я* — непрерывное, начало котораго въ прошедшемъ и конецъ въ будущемъ — для него неизвѣстны, но которое — пока существуетъ, преобразуясь — увѣрено, что оно то же самое, которое существовало и будетъ существовать до и послѣ этихъ преобразованій. „Тождество или постоянство лица, — говоритъ Тардъ, — это — личность, разсматриваемая какъ нѣчто дляцееся, совокупность состояній сознанія и полусознанія (subconscience) внѣшняго и внутренняго, чувствъ, влеченій и похотей".

Тождественностью личности въ разные моменты ея существованія объясняется причинность дѣйствій но не объясняется еще отвѣтственность за эти дѣйствія, для вывода которой Тардъ прибѣгаетъ къ понятію общительности человѣка, основанной на однообразномъ вибрированіи людей, сложившихся въ общество, и на необходимо устанавливающейся

заразительной подражательности другъ другу, вслѣдствіе которой всѣ люди — солидарныя частицы и óрганы высшаго собирательнаго цѣлаго, у нихъ есть общая коллективная душа, коллективное недѣлимое „я“, налагающее на каждую особь свою печать. Только при установленіи факта существованія этой собирательной личности высшаго порядка рождается возможность оцѣнивать событія внѣшнія и съ точки зрѣнія личной, и съ точки зрѣнія общественной, выработывать понятія добра и зла, идею *долга,* въ высшей степени соціальную и даже, можно сказать, исключительно соціальную, и установить отвѣтственность. Собирательное „я“ представляетъ завершеніе цѣлаго процесса объединенія, интеграціи, сплоченія отдѣльныхъ частицъ въ одно живое цѣлое. Первообразъ и корень такой интеграціи представляетъ собою нашъ организмъ физическій, упорядоченный составъ тканей, клѣтокъ, óргановъ, снабженныхъ нѣкоторымъ самочувствіемъ и согласованныхъ въ служеніи однихъ другимъ, въ поддерживаніи себя взаимно и въ питаніи, — такъ сказать, пожертвовавшихъ собою, чтобы существовать только въ цѣломъ. Не буду останавливаться на этомъ тезисѣ, блистательно развитомъ у Эспинаса (Des colonies animales, 1877). Отмѣчу только, что, опираясь на идею Эспинаса, Тардъ пускаетъ ядовитую стрѣлу въ дарвинизмъ: „не-

вѣрно то, якобы борьба за жизнь, коренная вражда существъ и ихъ элементовъ — составляли первое и основное начало вселенной. Она была и можетъ быть только одною изъ таковыхъ первооснов. Первая заключается въ сочетаніи жизни рода, въ солидарности частицъ внутри всякаго бытія, которое представляется воюющимъ только съ внѣшней стороны". Что касается до порядка послѣдовательности въ этой серіи различаемыхъ степеней самосознанія, то первую степень образуетъ *я психофизическое*, конкретное, самое настоящее, и его милліоны ощущеній безъ названія и безъ очертаній, переливающихся одно въ другое, какъ тоны въ музыкѣ, безконечное множество душевныхъ состояній, проникающихся взаимно и себя окрашивающихъ, множество неизъяснимыхъ и самимъ намъ непонятныхъ порывовъ, увлекающихъ насъ и заставляющихъ совершать то, чего и въ умѣ никогда не было. Затѣмъ, другое „я", которое Бергсонъ называетъ наружнымъ (superficiel), есть то „я", которое мы прежде назвали *психологическимъ*. Оно, такъ сказать, отчеканено для общежитія, приспособлено къ требованіямъ общежитія, *соціологическое*, по теоріи Тарда, разумное или, по крайней мѣрѣ, резонирующее. Оно слагается такимъ образомъ, что, относясь аналитически къ явленіямъ жизни души, мы ее мысленно разсѣкаемъ

на душевныя состоянія, раскладываемъ ихъ въ пространствѣ, давая имъ условныя клички, и обращаемъ ихъ въ готовый матеріалъ для логическихъ выводовъ. Совокупность этихъ искусственныхъ препаратовъ, наслоенныхъ въ сознаніи, образуетъ наружную нашу личность, состоящую изъ данныхъ сознанія, уже до извѣстной степени обезличенныхъ, расположенныхъ по извѣстной ассоціаціи идей и упорядоченныхъ въ одно извѣстное міросозерцаніе. Вслѣдствіе фиксированія въ нашей памяти извѣстныхъ идей, чувствъ и ощущеній, одинаковыя внѣшнія раздраженія вызываютъ въ насъ одинаковыя реакцій, будутъ ли то сознательныя или безсознательныя, которыя очень похожи на автоматизмъ, на простые рефлексы. Вторженіе нашего „я“, конкретнаго или психофизическаго, въ ходъ жизни, въ которой распорядителемъ сдѣлалось второе „я“, психологическое, разумное или, по крайней мѣрѣ, резонирующее, — становится рѣже и рѣже и случается только въ минуты или подъема надъ уровнемъ обыденнаго, либо бунта противъ общепринятаго условнаго. Но, съ другой стороны, общежитіе только и сдѣлалось возможнымъ вслѣдствіе того, что второе „я“, наружное, выдвинулось на первый планъ, что всѣ люди стали обмѣниваться символами воображаемыхъ вещей — словами, что они стали другъ другу сочувствовать, обмѣниваясь зна-

ками, изображающими настоящія чувствованія, общепринятыми ихъ выраженіями. Всякое общество есть связь не между лицами, какъ организмами, но между лицами, какъ *личностями*, которыя соприкасаются другъ съ другомъ только наружными сторонами, только поверхностями, носящими одинаковые отпечатки общей чеканки однимъ и тѣмъ же штемпелемъ — колѣна, города, націи, отечества. Въ далекомъ прошедшемъ отпечатокъ былъ сильнѣе, глубже, и существовала такая соціальная солидарность частицъ, о которой мы нынѣ едва можемъ составить себѣ надлежащее понятіе, такъ какъ современный типъ государства есть многомилліонный агломератъ, въ которомъ слиты и перемѣшаны экземпляры разныхъ расъ, съ унаслѣдованными отъ предковъ чертами, и разныхъ общественныхъ обстановокъ, которыя ихъ окружали; всѣ мы, современники, въ большей или меньшей степени — космополиты. Но надо брать общежитіе въ его первичныхъ формахъ, въ малыхъ кружкахъ, одушевленныхъ тѣмъ, что Гумпловичъ (Der Rassenkampf, 1883) называетъ singenismus, то-есть альтруистическое братское чувство только въ предѣлахъ своего стада, своего кружка, внѣ коего — лишь враги, одна ненависть и война. Въ тѣ дальнія времена человѣческая личность не цѣнилась и не признавалась, а существовала только собира-

тельная. Зло сдѣлалъ инородецъ, иноплеменникъ; виновато было и отвѣчало все колѣно, весь городъ — коллективно; ихъ не судили, съ ними только воевали. Настоящая личная отвѣтственность, и настоящая — не — война, а кара, обрѣталась только внутри малаго кружка, въ предѣлахъ той другъ другу подражательности въ вѣрованіяхъ и пожеланіяхъ, которая связывала воедино малый кружокъ. Не вслѣдствіе войны съ внѣшними врагами, а сожительства и братства въ одной средѣ, человѣкъ пріучился различать общія, согласованныя удовольствія, пріобрѣтаемыя не на счетъ чужихъ страданій, и общія страданія всей среды, любить и ненавидѣть сообща по логикѣ соціальной, откликаться дружно на общее добро и зло, имѣть общія и общественныя вѣрованія и влеченія. Снаровка согласоваться въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ ведетъ, съ одной стороны, къ тому, что верхъ берутъ желанія согласованныя и общія, превращающіяся, вслѣдствіе этой общности, въ обязанности общественныя (начало идеи добра); съ другой же стороны, никакія желанія не должны переходить за извѣстныя границы, за которыми они сталкивались бы съ одинаково вѣскими и уважительными желаніями другихъ лицъ (начало идеи справедливости). Идеалъ преуспѣвающаго общества, по мнѣнію Тарда, это сильныя схожія убѣжденія и слабыя

несхожія самолюбія, большіе порывы на общее дѣло и малыя стремленія къ личнымъ частнымъ пользованіямъ. Представимъ себѣ среди такого общества особь, дѣйствующую вопреки всѣмъ коренным убѣжденіямъ общества и стремящуюся къ удовлетворенію своихъ разнузданныхъ страстей въ ущербъ узаконеннымъ наслажденіямъ другихъ своихъ соотчичей. „Il se desassimile et il s'aliène“, — говоритъ Тардъ; онъ дѣлается несхожимъ и отчуждается, онъ хуже врага, онъ бунтовщикъ, а можетъ быть и предатель. Во всякомъ случаѣ онъ осквернилъ свое гнѣздо и терпимъ быть не можетъ не только по утилитарнымъ, а и по нравственнымъ соображеніямъ, по причинѣ негодованія, которое онъ возбуждаетъ какъ свой человѣкъ: „измите злого отъ васъ самихъ“ — таковъ мотивъ, повторяющійся безконечное число разъ во Второзаконіи. Эта коллективная реакція поражаетъ тою же коллективностью всю группу, въ которой состоитъ осквернитель, его семью, и жену, и дѣтей, и домочадцевъ. Въ сравнительно позднее время уже довольно долго эволюціонировавшей уголовщины мерцаетъ сознаніе, выраженное въ XXIV, 16, Второзаконія: „да не умрутъ отцы за сыны и сынове да не умрутъ за отцы, кійждо за свой грѣхъ да умретъ“. Законодательство цивилизуется, но античныя воззрѣнія на общность наказанія продолжаютъ

еще жить въ простонародіи. По свидѣтельству Ферри, еще недавно одинъ простолюдинъ-итальянецъ закололъ солдата потому только, что онъ былъ оскорбленъ также солдатомъ.

Мнѣ кажется, что Тардъ правильно установилъ коренное различіе между войною и наказаніемъ. Война есть повальное истребленіе всего и всѣхъ (Второзаконіе, III, 6, 7: „и потребихомъ вся грады вкупѣ, и жены ихъ, и чада, и вся скоты, и корысти градныя плѣнихомъ себѣ“). Казнь имѣетъ иныя задачи и цѣли, которыя, впрочемъ, видоизмѣняются, эволюціонируютъ. Сначала казнь бываетъ патріархальная, домашняя, по суду родоначальника или главы клана, надъ провинившимися родичами. Цѣль ея — очистить общество отъ мерзости, которая — такъ какъ преступникъ свой человѣкъ — есть общая всѣмъ и должна быть тѣмъ или инымъ образомъ смыта: покаяніемъ ли, доблестными дѣлами со стороны прощаемаго преступника или отсѣченіемъ его отъ общества, анаѳематствованіемъ. Этотъ характеръ очищенія сообщили наказанію вовсе не жрецы, а онъ связанъ съ міровоззрѣніями первобытнаго общества, по которымъ все безусловно, безотносительно и вѣчно: вѣченъ Богъ, вѣчна душа у супостата, вѣчно государство, а вѣра въ тождество лица и его воли доведена до вѣры въ его

безсмертіе. Между тѣмъ общество развивается, появляются соціальные агломераты, объединяющіе малыя родовыя колѣнныя группы. На первый планъ выдвигается царь — онъ же военачальникъ и судья. Въ юстицію вносится военный духъ, жестокіе пріемы, казни и пытки, чтобы вывѣдать въ преступленіи настоящую истину. Цѣлью наказанія становится его примѣрность, острастка. Съ теченіемъ времени изъ національныхъ государствъ образуются громадныя державы, происходятъ невообразимыя до того скрещенія породъ, эпидемически распространяются космополитическія религіозныя вѣроученія, совершается утрамбовка общества, подъ которою нельзя уже добраться до того, какъ вылѣпилось отдѣльное лицо, — такъ перепутаны въ немъ черты атавистическія, предрасполагающія его къ извѣстному дѣйствованію, съ чертами среды, въ которой живя, лицо, по непреодолимому влеченію, подражательно воспроизводитъ ее. Въ громадинѣ современнаго государства человѣкъ — такая крошка, такая эфемерида, что о вѣчности и его существованія, и его наказанія, нельзя и думать. Успѣхи антропологіи и психіатріи обнаруживаютъ съ большею и большею ясностью, что во многихъ дѣйствіяхъ субъекта проявлялось не самосознательное „я“ человѣка, а неразгаданныя силы, нѣчто подымающееся изъ бездонной и непро-

зрачной глубины его психофизическаго нутра, въ немъ дѣйствовали его болѣзни и уродства. Другое условіе наказуемости — требованіе сходства лица по подражательности со средою, требованіе того, чтобы наказуемый былъ свой человѣкъ, — безмѣрно расплылось вслѣдствіе міровыхъ международныхъ отношеній, обхватывающихъ шаръ земной и дѣлающихъ сингенизмъ исключеніемъ. Нынѣ всякій человѣкъ — свой, потому только, что онъ — человѣкъ. Въ карательныхъ мѣрахъ сквозитъ новая цѣль — исправленіе. Это направленіе доводимо было до крайностей, до отрицанія неисправимости въ людяхъ. Какъ бы то ни было, ученіе итальянскихъ криминалистовъ, клонящееся къ тому, чтобы расправляться съ преступниками по обычаю войны и упраздняющее отвѣтственность, а съ нею и уголовное право, есть идея невозможная, не имѣющая будущности и настолько несогласная съ нравами, что эти же криминалисты были принуждены, въ концѣ концовъ, подписаться за полную отмѣну смертной казни. Таковъ очеркъ теоріи отвѣтственности у Тарда. Слѣдуетъ ее подвергнуть перекрестной повѣркѣ въ составляющемъ ея оборотную сторону ученіи о безотвѣтственности, то есть, о невмѣняемости и о невмѣненіи.

Пробный оселокъ по вопросу о безотвѣтственности заключается въ томъ, что дѣлать

съ человѣкомъ, который дѣйствовалъ, будучи не въ своемъ умѣ, иными словами: какъ поступать съ *сумасшедшимъ?* По Тарду, сумасшествіе отчуждаетъ человѣка отъ его „я". Новѣйшія изслѣдованія (Ribot, Maladies de la personnalité, 1884; Azam, Hypnotisme, double personnalité, 1887) доказываютъ, что большинство психологическихъ, загадочныхъ случаевъ сумасшествія сводится къ болѣзнямъ самосознанія, къ развитію личности, къ раскольническому замѣщенію настоящаго „я", умозаключающаго связно съ другимъ его двойникомъ, отличнымъ отъ перваго по воспоминаніямъ, ощущеніямъ и даже характеру и дѣйствующему также связно и цѣлесообразно, но такимъ образомъ, что первое „я", когда очнется, логическихъ операцій второго не сознаетъ и не признаетъ. Измѣненіе и замѣщеніе личности можетъ быть внезапное, но можетъ быть и постепенное. По мѣрѣ того, какъ личность нормальная и общительная замѣняется экстравагантною, совершается и дезассимиляція, то-есть человѣкъ, по отношенію къ обществу, становится чужимъ.

Принципъ поставленъ вѣрно и правильно выведены изъ него Тардомъ два послѣдствія: 1) энергическій протестъ автора противъ предлагаемаго итальянцами manicomio criminale, въ которомъ бы содержались и потерявшіе свое нормальное „я" сумасшедшіе, и

mattoïdi — прирожденные злодѣи самаго сквернѣйшаго свойства; 2) но будучи рѣшительнымъ противникомъ прямолинейной логики, допускающей либо полную вмѣняемость, либо таковую же невмѣняемость, Тардъ допускаетъ частичную или ослабленную вмѣняемость, которую нельзя не допустить, когда сумасшествіе проходитъ постепенно и нѣтъ точнаго момента во времени, когда второе „я", антиобщественное, вытѣснило первое „я", разумное, и водворилось вмѣсто него безъ борьбы или послѣ упорной борьбы. Окончательному сумасшествію предшествуютъ большія смуты въ сознаніи, рѣзкія измѣненія въ характерѣ, гипертрофія самомнѣнія, уныніе, доходящее до отчаянія. Большія затрудненія при анализѣ представляетъ *мономанія,* умопомѣшательство на одномъ пунктѣ, когда въ одномъ лицѣ вмѣщаются одновременно и не чередуясь двѣ личности,— болѣзнь хуже общаго умопомѣшательства, такъ какъ обыкновенно она неизлѣчима.

Необычайно трудно держать балансъ въ этихъ казуистическихъ вопросахъ, идя, такъ сказать, по натянутому канату. Можно усомниться, всегда ли, какъ слѣдуетъ, хранилъ равновѣсіе Тардъ, напримѣръ, когда онъ устанавливалъ капитальное различіе между случаемъ, когда сумасшествіе водворялось въ совершенно здоровомъ организмѣ, или когда

оно было только патологическимъ усиленіемъ (гипертрофіею) извѣстной прирожденной дурной наклонности. Извѣстный субъектъ былъ сухъ и грубъ, а потомъ сталъ жестокъ; былъ раздражителенъ, а сдѣлался бѣшенымъ; былъ эгоистомъ, а сдѣлался отчаяннымъ себялюбцемъ. „Очевидно, — говоритъ Тардъ, — что, когда сумасшествіе не сталкиваетъ насъ въ пропасть по сторонѣ, съ которой мы уже были склонны къ паденію, то тогда отчужденіе бываетъ не столь глубокое и не столь безотвѣтственное, какъ то, когда мы падаемъ съ противоположной стороны". Едва ли это справедливо. Едва ли можно сугубо взыскивать съ лица, которое сошло съ рельсовъ нормальнаго порядка и морали, потому что имѣло уже задатки зла въ своей организаціи. Чѣмъ же виновато оно, что уже родилось съ этими задатками, вслѣдствіе которыхъ оно, роковымъ образомъ, сдѣлалось потомъ изъ сухого жестокимъ, изъ раздражительнаго бѣшенымъ? Чѣмъ такое лицо хуже того, который сошелъ съ ума, вслѣдствіе несчастнаго случая — удара, или болѣзни, личность его видоизмѣнившей?

Еще сомнительнѣе выводы Тарда, относящіеся къ труднымъ и рѣдкимъ случаямъ moral insanity, помѣшательства только нравственнаго, атрофіи одного только нравственнаго чувства человѣчности при полной ясности раз-

судка. По мнѣнію Тарда, нравственное чувство выражается брезгливостью и невольнымъ отвращеніемъ отъ дѣйствій нехорошихъ, общевредныхъ. Оно — родъ тормаза. Иногда, въ смутныя времена, все общество увлечено въ вакханалію безчинства, въ пароксизмъ каннибализма (напр., періодъ террора въ французской революціи XVIII-го вѣка). Общее увлеченіе сильнѣе тормаза; агнцы на время этой эпидеміи становятся отъ внѣшняго толчка лютыми волками. Иногда толчокъ сообщается человѣку изнутри, вслѣдствіе болѣзненнаго припадка, моментально поражающаго мозгъ (падучая болѣзнь, истерія, delirium tremens отъ алкоголизма). Иногда все остается нормальнымъ въ психическихъ отправленіяхъ, а только безъ внѣшняго толчка тормазъ сломанъ, одни нравственныя понятія разрушились. По даннымъ медицины такіе случаи возможны. Иногда это и бываетъ стадія, предшествующая общему параличу и затѣмъ — слабоумію. Но бываетъ также, что человѣкъ уменъ, ловокъ, сообразителенъ, — только отродясь не имѣлъ альтруистическихъ чувствъ, не откликался сочувственно на чужія страданія, не различалъ ихъ, какъ дальтонистъ не различаетъ цвѣтовъ, однимъ словомъ, былъ безнравственъ отъ самаго рожденія. У него есть безспорно первое условіе его отвѣтственности: *тождественность его „я“ во весь пе-*

ріоды своего бытія, но нѣтъ второго условія, *нѣтъ сходства съ другими людьми,* нѣтъ органа гуманности, состраданія; онъ не человѣкъ, хотя по внѣшности имѣетъ видъ человѣка. Такія лица появлялись на историческихъ подмосткахъ — вспомнимъ только XVI вѣкъ и итальянскій ренессансъ. Даже и нынѣ появленіе ихъ возможно въ моменты разнузданности похотей, когда талантъ и умъ берутъ верхъ надъ сердцемъ и характеромъ. Такіе люди отродясь анти-соціальны, не схожи съ другими; слѣдовательно, можно бы сказать, что они безотвѣтственны, съ чѣмъ, однако, Тардъ не можетъ помириться, во-первыхъ, потому, что устойчивость у нихъ самосознанія діаметрально противоположна сумасшествію, во-вторыхъ, потому, что имъ присуща хотя бы малая толика нравственнаго чувства, такъ что и отвѣтственность ихъ можетъ быть уменьшенная, но не нулевая. Такого прирожденнаго злодѣя нельзя, по мнѣнію Тарда, ни лѣчить, ни исправлять, но нельзя его разить, какъ дикаго звѣря, забѣжавшаго къ намъ случайно. Онъ все-таки, хотя наружно, членъ общества, за него намъ стыдно, не только что страшно. Его надо исключить со всѣми обрядами соціальнаго анаѳематствованія, то есть, уголовнаго суда. Такой выводъ можетъ быть не совсѣмъ ладенъ логически, — потому что если, напримѣръ, кто слѣпъ, то

съ него нельзя взыскивать за то, что онъ цвѣтовъ не различаетъ, — но практически этотъ выводъ удовлетворителенъ и совпадаетъ съ заключеніями какъ индетерминистовъ, такъ и детерминистовъ, изъ которыхъ послѣдніе разсуждаютъ такимъ образомъ: этотъ человѣкъ не чувствуетъ, что добро и что зло, но онъ уменъ и способенъ понять, что не слѣдуетъ дѣлать зла, чтобы не подвергнуться наказанію. Къ нему прикрѣпляется уголовный противовѣсъ похотямъ — угроза наказанія, затѣмъ, само наказаніе примѣняется съ тою только цѣлью, чтобы угроза не утратила своей дѣйствительности и внушительности.

Въ ближайшей связи съ сумасшествіемъ состоитъ *эпилепсія,* падучая болѣзнь, выражающаяся въ безпокойствѣ передъ припадкомъ, въ судорогахъ и потерѣ сознанія, сопровождаемая маніакальною идеею, галлюцинаціею и непреодолимымъ затѣмъ порывомъ къ какому-либо насилію. Тардъ любилъ объяснять явленія психическія посредствомъ соціологическихъ наблюденій (la sociologie est le microscope solaire de la psychologie). Онъ сравниваетъ эпилепсію со смутами, которыя встрѣчаются въ жизни каждаго народа. Сначала жгучая неясная потребность, сказывающаяся въ подражательномъ распространеніи вѣрованія или желанія революціоннаго свойства, затѣмъ судороги — междоусобная война,

переходящая въ маніакальное экстравагантное обожаніе идеи или лица (напр., недавній буланжизмъ), наконецъ, какая-нибудь ненужная внѣшняя война, разражающаяся безъ повода, чтобы дать какой-нибудь исходъ междоусобію.

Совершеніе преступленія въ пьяномъ видѣ не представляетъ значительныхъ затрудненій. Если преступленіе совершено въ пьяномъ до безсознательности состояніи, то въ преступникѣ дѣйствовало его другое „я", о которомъ онъ, протрезвившись, можетъ не имѣть никакого понятія. Важно то, былъ ли онъ случайно приведенъ въ это состояніе, или вошелъ въ него сознательно, зная, что, напившись, онъ способенъ буянить и дѣлается опаснымъ. Его отвѣтственность похожа на гражданскую отвѣтственность отца или хозяина, отвѣчающихъ за своихъ дѣтей и слугъ, причинившихъ кому-нибудь вредъ.

Гипнозъ близко подходитъ къ сумасшествію. Онъ состоитъ въ отчужденіи себя и своего „я" либо по волѣ гипнотизирующаго, либо по соглашенію съ нимъ, при прекращеніи вообще функцій умственной жизни. Посредствомъ этого необыкновеннаго и страннаго состоянія можно повѣрять всѣ формы помѣшательства, самое состояніе и даже функціи нашего умствованія въ ихъ напростѣйшихъ элементахъ. Гипнозъ есть прекращеніе

сознанія и усыпленіе его, но неполное, въ которомъ субъектъ воспринимаетъ только то, что дѣлаетъ и чѣмъ на него дѣйствуетъ гипнотизеръ. Ничего другого онъ не ощущаетъ, кромѣ подсказываемаго и внушаемаго ему гипнотизеромъ. Гипнотизируемый мыслитъ и чувствуетъ только то и рѣшается только на то, что ему подсказано гипнотизеромъ. Подсказываніе дѣлается выразительными жестами, символическими знаками, словами. Эти знаки пробуждаютъ связанныя съ ними въ умѣ гипнотизируемаго понятія и представленія, по закону — надъ разработкою котораго потрудились особенно англійскіе психологи — *ассоціаціи представленій*. Бредъ продолжается еще и наяву, по пробужденіи субъекта, который совершаетъ тогда то, что ему было приказано совершить, когда онъ былъ въ бреду. Субъектъ исполняетъ приказанное сознательно; онъ убѣжденъ, что поступилъ такъ по доброй волѣ и не помнитъ, какъ возникла рѣшимость. Онъ дѣлаетъ страшныя усилія для измышленія post factum мотива поступка и изобрѣтаетъ ложные мотивы, но искренно считаетъ ихъ дѣйствительными, такъ какъ дѣйствіе безмотивное немыслимо и субъектъ долженъ самъ себѣ эти мотивы разъяснить, чтобы быть съ собою въ порядкѣ. Гипнотизированный — не автоматъ. Изучавшіе гипнотизмъ, Бинэ, Фере и другіе, утверждаютъ,

что въ дѣйствованіяхъ лица, находившагося въ гипнотическомъ снѣ, проявляется опредѣленная личность, отличная по наклонностямъ и отвращеніямъ отъ личности субъекта въ его нормальномъ состояніи наяву. Гипнотизированный и не пробуетъ уклоняться отъ отвѣтственности за сдѣланное, — онъ его хотѣлъ сдѣлать. Суть дѣла только въ томъ, что хотѣлъ дѣло сдѣлать другой „я", сомнамбулическій; этимъ же другимъ руководила чужая воля гипнотизера, отъ которой гипнотизированный былъ въ зависимости, а потому въ томъ, что̀ имъ сдѣлано, не имѣется перваго условія отвѣтственности, а именно тождественности личности субъекта. Но въ томъ-то и весь спорный вопросъ: какова эта зависимость — безусловная, рабская, или неполная? дѣйствуетъ ли и во время гипноза нравственный тормазъ, который не допуститъ субъекта (какъ утверждалъ экспертъ Льежуа по дѣлу Бомпаръ и Эйро, убившихъ Гуффе, 1890) совершить то, что̀ подсказано гипнотизеромъ, но что̀ противно его нравственнымъ началамъ, такъ что онъ скорѣе очнется, нежели исполнитъ подсказываемое?

Не вдаваясь въ подробный разборъ всего отдѣла о безотвѣтственности у Тарда, замѣчу, что онъ ставитъ любопытный вопросъ объ отвѣтственности людей, нравственно возродившихся къ добру, къ свѣту, къ истинѣ.

Тождество личности для нихъ существуетъ, и то дурное, что они совершили въ прошедшемъ, сознается какъ еще болѣе отвратительное и мерзкое, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ они его понимали до своего возрожденія, а между тѣмъ казнить ихъ было бы несправедливо, и тогда неминуемо ставится вопросъ о помилованіи. Весьма оригинально рѣшается Тардомъ вопросъ объ отвѣтственности великихъ и геніальныхъ людей. Геніальный человѣкъ, по своей натурѣ, не подражатель, а творецъ; онъ стоитъ на границѣ съ природою, которой законы онъ открываетъ, и рода человѣческаго, выдѣляющаго безчисленное множество подражателей генію. Геніальный человѣкъ похожъ на гипнотизера, передающаго людямъ свои идеи, свою волю; онъ долженъ, если не юридически, то нравственно отвѣчать за излишества и преступленія той арміи обезьянъ въ образѣ человѣческомъ, которою онъ командуетъ. Такъ какъ Тардъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ по стезямъ итальянскихъ антропологовъ - криминалистовъ и такъ какъ его теорія является только систематическимъ опровերженіемъ или дополненіемъ ихъ ученій, то и расположеніе предметовъ въ его теоріи соотвѣтствуетъ ихъ системѣ, въ которой эти предметы располагаются такимъ образомъ: преступникъ, преступленіе, наказаніе и судъ.

Существуетъ ли особый типъ преступника?

какова должна быть классификація преступниковъ? Прежде всего преступникъ есть извѣстное злокачественное, ядовитое и заразительное отложеніе общества, которое общество выдѣляетъ изъ себя, чтобы самому жить. Преступникъ есть въ наивысшей степени соціальный продуктъ, а юстиція есть *санитарная* функція общества.

Бываютъ физическія болѣзни, — напримѣръ, сахарная, когда организмъ выдѣляетъ изъ себя элементы, безъ которыхъ ему жить нельзя, и вслѣдствіе того истощается. Нѣчто подобное тому бываетъ и въ жизни соціальной. Франція при Людовикѣ XIV изгоняла протестантовъ, французская революція во время террора истребляла аристократовъ, Испанія преслѣдовала мавровъ. Самъ типъ уголовный, вслѣдствіе нераціональности преслѣдованій, не одинъ и тотъ же въ разные вѣка, — напримѣръ, при Петрѣ В., Екатеринѣ II и теперь. Бывали эпохи, когда общества извергали изъ себя лучшихъ людей своихъ, а худшіе и наиболѣе испорченные были въ почетѣ и властвовали, — напримѣръ, Италія со своими principi во время ренессанса (Tarde: „le crime a eu sa place et sa place d'honneur dans cette magnifique floraison de tous les arts“).

Итакъ, преступленіе есть неустойчивое понятіе, — преступность мѣняется. Неустойчивы

и *естественныя* преступленія по теоріи Гарофало. Нѣтъ никакихъ точно опредѣленныхъ признаковъ, которые могли бы служить для характеристики типа человѣка-преступника, отыскиваемаго съ такимъ трудомъ и такъ упорно школою. Преступникъ не есть запоздавшій появленіемъ дикарь, не есть также сумасшедшій, не есть также скрытый эпилептикъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, имѣющій эпилептическій темпераментъ. Есть, однако, нѣкоторая доля правды въ положеніи, которое Ломброзо отстаиваетъ съ такою настойчивостью. Многіе преступники принадлежатъ къ числу нервныхъ натуръ, къ числу темпераментовъ экстравагантныхъ, склонныхъ къ излишествамъ, и эти излишества происходятъ и въ особяхъ, и въ обществахъ, періодически, по извѣстному ритму; они повторяются такимъ образомъ, что моментъ повторенія можно предугадать и подмѣтить. Опытный тюремщикъ сразу подмѣтитъ, что арестантъ переживаетъ недобрый день или часъ, когда съ нимъ надо быть особенно насторожѣ. При изученіи преступныхъ типовъ признаки физіологическіе и динамическіе важнѣе анатомическихъ и статическихъ. Преступникъ узнается не столько по глазу, сколько по взору, не столько по формѣ рта, сколько по улыбкѣ, не столько по росту, сколько по походкѣ, вообще по цѣльному выраженію ли-

ца. Весьма оригиналенъ взглядъ Тарда на криминалистическіе признаки измѣненія характера. Гарофало ввелъ понятіе о такъ называемыхъ естественныхъ преступленіяхъ, которыя онъ приписывалъ предшествовавшему преступленію коренному недостатку чувствъ альтруистическихъ, честности или человѣколюбія. Тардъ дѣлаетъ обратный выводъ и предполагаетъ, что во многихъ случаяхъ чудовищный эгоизмъ и адская гордыня преступника были не причиною, но естественнымъ послѣдствіемъ преступленія. Предъ совершеніемъ преступленія онъ колебался, боролся, но разъ оно имъ совершено, онъ сознаетъ, что между нимъ и обществомъ образовалась пропасть. То негодованіе, которое его ждетъ за преступленіе, онъ самъ въ себѣ ощущалъ; если онъ энергиченъ, то чрезъ преступленіе онъ въ своей злости еще болѣе утвердился, закалился, сдѣлался еще злѣе и опаснѣе, и это чувство погубило его еще больше, нежели само преступленіе. Онъ расплачивается съ обществомъ въ злобѣ своей, усиливаясь превзойти себя въ злодѣяніи. Чѣмъ больше его злодѣяніе, тѣмъ меньше общаго между нимъ и мелкими воришками и мошенниками, которые постепенно и незамѣтно, безъ сильнаго моральнаго кризиса, дошли до своего паденія. Онъ — сложный продуктъ — и своего злодѣянія, и настоящаго или ожидаемаго воздѣй-

ствія на него общества за его преступленіе. Здѣсь является опять факторъ преступности не антропологическій, но соціальный. Такъ какъ люди въ обществѣ похожи на мягкую глину, изъ которой лѣпятся личности и характеры по образцу и подобію общества, то несомнѣнно, что дѣленіе преступниковъ должно быть дѣлаемо по общественнымъ группамъ, по классамъ, занятіямъ и кружковымъ различіямъ среды. Вездѣ и всегда встрѣчается объективное, неизмѣнное дѣленіе — на преступленія противъ личности (насилователи, въ томъ числѣ и убійцы) и на преступленія противъ собственности (воры), но тотчасъ же оба главныя теченія развѣтвляются на сельскій людъ съ земледѣльческими занятіями и городской — съ фабричными и меркантильными. Въ одномъ преобладаетъ наслѣдственность съ подражаемымъ обычаемъ, въ формахъ скотскихъ и грубыхъ; въ другомъ — вліяніе среды съ подражаніемъ модою, съ страстью къ новизнѣ и утонченною испорченностью. При дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ и развѣтвленіяхъ оказывается, что есть преступники, для которыхъ преступленіе только добавочный источникъ существованія, а главный — трудъ, и есть такіе, которыхъ главное и спеціальное занятіе есть хищеніе. Одни дѣйствуютъ въ одиночку, другіе привыкли дѣйствовать организованными шайками. И въ

этихъ шайкахъ есть громадныя различія между бандитизмомъ, юначествомъ, казачествомъ, открытымъ бунтомъ элементовъ, не укладывающихся въ рамки государственнаго порядка, щеголяющихъ тѣмъ, что оно — юначество и между сбродомъ всякой всячины, городскими ворами, соединяющимися для убійствъ, грабежей и самыхъ утонченныхъ хищеній. Съ теченіемъ времени село и деревня становятся порядочнѣе, очищаются отъ бандитизма и даже конокрадства; зато всю скверпь всасываютъ въ себя и поглощаютъ города, въ которыхъ, въ наше время, преступность прогрессируетъ, процвѣтаетъ, и изъ которыхъ она подражательно распространяется въ широкомъ районѣ на окрестности. Къ преступленіямъ противъ личности и противъ собственности присовокупляются, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи и непомѣрнаго роста большихъ центровъ населенія — городовъ, — половыя излишества. Преступность въ городахъ дѣлается утонченнѣе и сладострастнѣе, и въ такомъ видѣ растекается и проливается на деревни. Вмѣсто дѣленія преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ, лучше бы дѣлить преступность на сельскую и городскую, и на первичную и прогрессивную или утонченную. Таковы мысли, брошенныя Тардомъ, какъ жалоны для будущихъ изслѣдователей, — мысли, которымъ нельзя отказать ни въ основательности, ни въ оригинальности

Переходя отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ преступниковъ къ преступленію, изучаемому, главнымъ образомъ, по даннымъ статистики, Тардъ вполнѣ одобряетъ мастерское, по его словамъ, дѣленіе факторовъ преступленія на антропологическіе, физическіе и соціальные, — дѣленіе, заимствованное, по его мнѣнію, у Тэна (la race, le milieu et le moment); но онъ находитъ, что соціологическіе факторы едва намѣчены у итальянцевъ и далеко не по достоинству оцѣнены, между тѣмъ какъ ихъ необходимо уяснять изъ присущей человѣку и составляющей основу его общежительности — подражательности. Заразительность примѣра въ самоубійствахъ, поджогахъ — не подлежитъ сомнѣнію. Пріемы убійства и грабежа душеніемъ, съ разсѣканіемъ трупа на части или распарываніемъ живота, повторяются съ замѣчательнымъ однообразіемъ. Въ 1875 г. парижанка Гроссъ брызнула своему невѣрному любовнику сѣрною кислотою въ лицо и была оправдана, послѣ чего этотъ способъ женской мести нашелъ безчисленныхъ послѣдовательницъ даже и внѣ Франціи. Въ Италіи въ обычаѣ coltellata, въ Корсикѣ — кровная месть. Въ pendant къ французской сѣрной кислотѣ въ Неаполѣ донынѣ въ обычаѣ freggio, заключающееся въ томъ, что влюбившійся въ дѣвушку, если она отказывается выйти за него замужъ, разсѣкаетъ ей брит-

вою щеку, вслѣдствіе чего дѣвушки изъ боязни выходятъ иногда замужъ за отъявленныхъ негодяевъ. Подражательность бываетъ при дѣйствіяхъ въ одиночку, но она особенно поразительна при дѣйствіяхъ массами. Подражательность бываетъ двоякая: обмѣнъ другъ у друга неимѣвшихся у заимствующихъ вѣрованій, вкусовъ, стремленій и взаимное другъ другомъ подстреканіе къ имѣющемуся уже у всѣхъ убѣжденію или стремленію, то-есть не аккордъ, а unisono, при чемъ дѣйствіе присущаго всѣмъ единицамъ общаго фактора было бы равносильно не сложенію, а умноженію или возведенію его въ степень, то-есть, образованію изъ него страшной силы. Въ такой массѣ, хотя бы она состояла изъ разнороднѣйшихъ и никогда не сочетавшихся элементовъ, происходитъ нѣчто въ родѣ самозарожденія дѣйствія; толпа превращается въ одного собирательнаго звѣря, бѣшенно устремляющагося на добычу съ неудержимою цѣлесообразностью и увлекаемаго бредомъ разрушенія или смертоубійства. Всякая революція исполнена такихъ массовыхъ разряженій импульсивности въ массѣ, одушевленной однимъ чувствомъ. Она мгновенно организуется и сразу, безъ сговора, получаетъ готовыхъ вожаковъ. Вотъ почему опасно засиживаться и мыслителю въ своемъ маломъ кружкѣ, въ которомъ выработывается неза-

мѣтно нѣчто похожее на дѣйствіе массою, а именно: *сектантство.* Общественная организація въ ея зародышахъ представляетъ слѣдующія двѣ основныя формы: семья и толпа, подражаніе старѣйшимъ или подраженіе коноводамъ-агитаторамъ; послѣднее особенно развито въ большихъ городскихъ центрахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Эти взрывы, эти насилія толпою, вслѣдствіе которыхъ люди въ массѣ совершаютъ иногда мерзости, на которыя никто въ одиночку не способенъ, составляютъ, однако, признакъ прогресса въ цивилизаціи. Люди своекорыстны; они борются за существованіе, но, такъ или иначе, они спѣлись и согласовались, и препираются они, не насильствуя другъ друга; зато весь запасъ дикой энергіи, проявлявшійся въ личныхъ междоусобіяхъ, разряжается въ сравнительно рѣдкіе моменты вспышекъ собирательной энергіи. Произведенъ родъ дренажа, вода изъ болота проведена трубами и каналами; коллективное проявленіе энергіи облагорожено присущею дѣйствіямъ массы идеею общаго добра. Величавое осуществленіе этого отвода, этой эвакуаціи бурныхъ и дикихъ порывовъ и страстей, представляютъ войны, грандіозныя, организованныя смертоубійства, злодѣянія, взаимныя истребленія, освѣщаемыя ореоломъ подвига, патріотизма, почти возводимыя въ добродѣтель. Жестокость, ненависть

и жадность, осуждаемыя въ индивидуальной формѣ, въ отношеніяхъ особей другъ къ другу, утилизированы цѣлесообразно, смотря по морали извѣстнаго историческаго момента въ образѣ милитаризма и международной войны. По словамъ Тарда: la guerre est la plus haute et la plus complète expression du crime mutualisé, т.-е. война есть высшее выраженіе злодѣянія, изъ первичной односторонней индивидуальной формы преобразившагося въ форму двустороннюю, взаимно обоюдную.

Тардъ излагаетъ подробно, приводя, въ видѣ иллюстраціи, множество примѣровъ изъ исторіи, какими путями и въ какихъ формахъ совершается эволюція подражательности въ предѣлахъ уголовнаго права въ области преступности. Вездѣ и всегда владыка-господинъ навязывалъ себя покореннымъ народамъ, какъ образецъ для подражанія, и требовалъ, чтобы сіи послѣдніе уподоблялись побѣдителямъ, воспризводили ихъ типъ. Такимъ образомъ, прививалось насильственно и хорошее, и дурное, распространяясь сверху внизъ. Разсадниками идей и цвѣтниками художествъ была, сначала, аристократія. Нынѣ, въ нашъ демократическій вѣкъ, эта роль досталась на долю столицъ и вообще большихъ городскихъ центровъ. Обираніе проѣзжихъ, хищничество на большихъ дорогахъ было любимымъ промысломъ средневѣковыхъ феодаловъ; дворянство

сильно пьянствовало; отравленіемъ занимались съ увлеченіемъ знатныя особы; убійство по найму было долгое время весьма употребительно въ политикѣ правительствъ. Нынѣ зараза преступности распространяется, главнымъ образомъ, изъ столицъ. Тардъ не опасается особенно и не озабоченъ чрезъ мѣру этимъ лучеиспусканіемъ преступности изъ городскихъ центровъ. Правда, растутъ еще нынѣ города, но близко то время, когда послѣдуетъ отливъ изъ нихъ населенія. Всякая аристократія тяжела только въ фазисѣ своемъ прибывающемъ, восходящемъ; разъ она перешла свой апогей и клонится книзу, она тотчасъ дѣлается мягче, скромнѣе, безвреднѣе и полезнѣе. За нею остается гегемонія искусства, вкуса, утонченной вѣжливости, чувства чести, всего того, что обозначается непереводимымъ словомъ: urbanitas. Таковы были послѣ своего паденія Аѳины, Римъ, нынѣшніе итальянскіе города, многіе нѣмецкіе и фламандскіе.

Всякая новая и цѣльная теорія уголовнаго права задѣваетъ, подвергаетъ пересмотру и видоизмѣняетъ крупные отдѣлы общей части уголовнаго права. Изъ нихъ въ книгѣ Тарда затронуты и разобраны три: въ ученіи объ умыслѣ — понятіе предумышленія, теорія покушенія и цѣлый отдѣлъ соучастія многихъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи.

Одинъ изъ недавнихъ посѣтителей С.-Петер-

бурга во время пенитенціарнаго конгресса 1885 г., профессоръ неаполитанскаго университета, *Бернардино Алимена,* написалъ недавно обширную книгу: La premeditatione in rapporto alla psychologia e al diritto. 1887. Самъ онъ не позитивистъ и выбралъ тему, которая была уже обработываема криминалистомъ-классикомъ *Гольцендорфомъ,* о томъ, что нераціонально и ни съ чѣмъ несообразно громадное значеніе, которое донынѣ придаютъ въ области одного только главнаго преступленія противъ личности — смертоубійства — факту обдуманнаго заранѣе намѣренія или *предумышленія* (praemeditatio). Смотря по наличности или отсутствію этого факта, само преступленіе подраздѣляется на — murder, Mord, assasinat предумышленное и на качественно отъ него отличаемое простое: meurtre, Todtschlag, morslaughter. Это дѣленіе есть безсмысленный остатокъ изъ римскаго права, занесенный въ европейскіе кодексы и повторяемый съ робкою подражательностью по рутинѣ. Очевидная его несостоятельность доказывается, прежде всего, тѣмъ, что предумышленность не предполагаетъ вовсе хладнокровія и не противопоставляется аффекту. И по внезапному побужденію можетъ преступникъ зарѣзать человѣка хладнокровно, но смертоубійство возможно также и по вполнѣ обдуманному намѣренію — въ порывѣ сильной

страсти, иногда неблагородной, а иногда и очень извинительной. Не степень обдуманности, а свойство побужденій или цѣлевыхъ мотивовъ составляетъ въ смертоубійствѣ главное. Гольцендорфъ приводитъ три преобладающіе мотива этого преступленія: жадность, сладострастіе, осложняемое половою похотью, и ненависть съ местью. Только въ связи съ первымъ изъ этихъ мотивовъ преступленіе становится особенно позорнымъ, мерзкимъ и опаснымъ. Статистика обнаружила, что, вообще, смертоубійство изъ-за матеріальныхъ выгодъ втрое чаще бываетъ предумышленное, нежели просто умышленное, между тѣмъ какъ въ убійствѣ по ненависти или мести вдвое болѣе непредумышленныхъ убійствъ, нежели умышленныхъ, а въ случаяхъ смертоубійства по половой похоти оба вида почти уравновѣшиваются. Курьезно то, что прикладывается предумышленіе только къ убійству, но никто его не примѣняетъ къ воровству, зажигательству или инымъ преступленіямъ. Общественное мнѣніе, въ лицѣ присяжныхъ, высказывается весьма рѣшительно противъ такого порядка: предумышленіе обыкновенно отвергается, но отстаиваютъ его цѣпко и крѣпко только юристы-техники. Предумышленіе, какъ самостоятельный признакъ, должно быть исключено, потому что оно — остатокъ осуждаемаго нынѣ, съ полною основательностью, пріема отвлекать

отъ живого лица его дѣйствіе и судить это дѣйствіе, а не живое дѣйствующее лицо. Наказаніе должно быть разсчитываемо не по величинѣ времени, протекшаго между первоначальнымъ замысломъ и исполненіемъ, а по цѣлямъ преступника, по тому, какую страсть стремился онъ удовлетворить.

Въ своихъ заключеніяхъ относительно *покушенія*, и итальянскіе криминалисты, и Тардъ идутъ уже прямо противъ привычекъ, укоренившихся и въ публикѣ, и во взглядахъ на преступленіе присяжныхъ засѣдателей. Итальянцы и Тардъ не признаютъ никакого основанія пониженію наказанія за преступленіе неудавшееся или даже за покушеніе, остановленное по зависимымъ отъ преступника обстоятельствамъ. Это отрицаніе смягченія наказанія вполнѣ съ ихъ стороны логично, такъ какъ они, вообще, исключаютъ изъ уголовнаго суда и наказаній всякій элементъ частнаго вреда и частнаго обвиненія и судятъ преступника толька за анти-соціальныя качества его личности по мѣрѣ опасности, несомнѣнно грозящей обществу отъ человѣка, уже вполнѣ обнаружившаго свои намѣренія и цѣли.

Всякому занимавшемуся уголовнымъ правомъ извѣстно, какую запутанную и неудобопримѣнимую часть этого права составляютъ законы о наказуемости *соучастниковъ* въ преступленіи. Преступленіе совершено, положимъ,

сообща многими лицами. Они, можетъ быть, даже и не сговаривались, а сгруппировались внезапно. Если они сговаривались, -- одни изъ нихъ науськивали или только совѣтовали, другіе не отказали въ доставленіи средствъ или въ обѣщаніи помощи на всякій случай, которая даже отъ нихъ и не потребовалась; иные помогали косвенно, можетъ-быть, не въ самый моментъ дѣйствія, а раньше или позже. По старой, но глубоко укоренившейся рутинѣ — судить не живыхъ людей а отвлеченное дѣло, состоящее изъ отдѣльныхъ поступковъ всѣхъ дѣятелей, — эта увѣсистая масса взваливалась потомъ на каждаго изъ дѣятелей по-одиночкѣ, якобы какъ общая вина, между тѣмъ какъ у каждаго была своя вина, совсѣмъ особая, между тѣмъ какъ, въ сущности, и дѣла-то у нихъ общаго, можетъ-быть, не было. Правда, что наказуемость каждаго сообразована съ мѣрою его личнаго участія, но все-таки за общее дѣло, — между тѣмъ какъ это общее дѣло выведено искусственно и каждый преслѣдовалъ въ немъ свои особенныя цѣли. Все представленіе о соучастіи должно быть въ сущности упразднено: quot delinquentes tot delicta. Нѣтъ никакой надобности образовать изъ всѣхъ соучастниковъ одну общую кучу. Всѣ тѣ результаты, которые достигаются нынѣ посредствомъ ученія о соучастіи, могутъ быть прямѣе и лучше достигнуты по упраздненіи

его. И нынѣ вездѣ въ другихъ, кромѣ нашего, законодательствахъ отлетѣло понятіе прикосновенности, вмѣщающее въ себѣ укрывательство, попустительство, недонесеніе. Это самостоятельные проступки, которымъ должно быть отведено мѣсто въ особой части кодекса. Подстрекатель не есть зачинщикъ или соучастникъ, а есть настоящій интеллектуальный виновникъ, совершившій преступленіе не собственными правда руками, а при посредствѣ другихъ лицъ, которыми онъ пользовался какъ орудіями своей воли. Физическіе виновники и теперь отвѣчаютъ за дѣяніе какъ за свою вину, и нѣтъ между ними разницы отъ того, дѣйствовали ли они порознь или сообща. Есть пособники, доставлявшіе средства къ преступленію, но не пріобщавшіеся къ цѣли, руководившей настоящими дѣятелями преступленія. Ихъ дѣйствія могутъ быть предусмотрѣны въ особой части кодекса [1]). Разборъ ученія о преступленіи по книгѣ Тарда мною конченъ, — мнѣ остается изложить его мысли и соображенія о наказаніяхъ и о судѣ надъ преступниками.

---

[1]) Та же мысль развита въ статьѣ проф. Фойницкаго въ январской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника" за 1891 годъ.

IV.

Система наказаній. — Виды на реформу суда.

Разбирая итальянскихъ криминалистовъ, я уже отмѣтилъ, что они допускаютъ правосудіе какъ самозащиту, спокойную, хладнокровную, лишенную чувствъ негодованія или мести и чуждающуюся всякихъ эмоцій. Они бы предпочитали истреблять злодѣевъ, но они мирятся по необходимости на томъ, чтобы иначе ихъ удалять; что же касается до субъектовъ менѣе испорченныхъ, не подходящихъ подъ элиминацію, то они мало заботятся объ организаціи наказаній для этого рода людей и предпочитаютъ, какъ то дѣлаетъ Ферри, провозгласить, что они не приписываютъ этимъ наказаніямъ никакой полезности ни по отношенію къ наказываемымъ, ни по отношенію къ обществу. Если бы эти наказанія и не были исполняемы, то это обстоятельство не принесло бы ни прибытка, ни убытка; оно не повліяло бы существенно на усиленіе преступности. Это ученіе вполнѣ согласно съ кореннымъ основаніемъ системы, по которой извѣстный процентъ населенія роковымъ образомъ обращается въ преступниковъ, при чемъ настоящая причина ихъ преступности — не они, а ихъ предки.

Такъ какъ Тардъ стоитъ не на антропологической, а на соціологической точкѣ зрѣнія, то онъ прямо противоположнаго мнѣнія, доказывая, что ничѣмъ незамѣнима и страшно дѣйствительна для пресѣченія заразительной преступности острастка, своевременно и въ надлежащей мѣрѣ употребленная. Бунтъ, революцію можно почти всегда подавить или отсрочить посредствомъ немногихъ экзекуцій. Энергическое преслѣдованіе разбойничества искоренило его совсѣмъ въ Римѣ въ XVI в. при064 Сикстѣ V, во Франціи въ 1775 г., въ Сициліи въ 1877 г. Распустите немного дисциплину въ войскѣ — оно превратится въ толпухи щниковъ, въ мародеровъ (наполеоновская армія въ Россіи въ 1812 г.). Дайте поблажку городской полиціи—нельзя будетъ ходить по вечерамъ по улицамъ. При продолжающейся гдѣ-нибудь анархіи, злодѣянія плодятся неимовѣрно. При энергическомъ образѣ дѣйствія всякое правительство справится со своими заговорщиками и даже съ вольномыслителями. Правда, что послѣ этого преслѣдованія умственная жизнь можетъ пострадать и вмѣстѣ съ новшествомъ общество можетъ потерять и творчество, сдѣлаться національно безплоднымъ, омертвѣть, какъ омертвѣла Испанія послѣ того, какъ въ два столѣтія, начиная съ половины XVI-го, погибло отъ инквизиціи до 300 тысячъ человѣкъ. Не только уголовные, но

и гражданскіе законы вліяютъ на численность, такъ называемыхъ, произвольныхъ поступковъ. Наполеоновъ кодексъ установилъ начало: la recherche de la paternité est interdite. Статистически доказано, что въ тѣхъ частяхъ Германіи, которыя пользуются наполеоновскимъ кодексомъ, число незаконнорожденныхъ бываетъ вдвое или втрое меньше, нежели въ другихъ, значитъ самъ пылъ любовной страсти умѣряется вслѣдствіе простого разсудочнаго соображенія, что нельзя будетъ судомъ заставить любовника, чтобы онъ расходовался на содержаніе ребенка.

Острастка соціально полезна и необходима, что упускаетъ изъ вида итальянская школа, а забываетъ она о томъ потому, что все свела въ человѣкѣ и въ обществѣ къ чистѣйшему механизму; систематически и принципіально она исключила изъ юстиціи всякое чувство и всякую красоту, превратила судью въ хирурга, разрѣшающаго дѣла безъ эмоціи, потому что эмоція только мѣшала бы ему исполнять извѣстную чисто научную задачу. Юстиція не была и никогда не будетъ столь безучастна къ судьбѣ своего паціента,—это противно ея общественному назначенію и функціи общества награждать добрыхъ и карать злыхъ (échange des services, échange des préjudices), канализировать и утилизировать чувства одобренія и чувства негодованія—живыя и могучія

силы общественнаго организма. Фазисовъ эволюціи юстиціи бываетъ больше, чѣмъ ихъ насчитываетъ Тардъ. Въ каждомъ дѣятельно участвуетъ эта своего рода эмоція, постепенно усиливаясь и облагораживаясь. У своего источника наказаніе есть простѣйшій рефлексъ — отплата зломъ за зло, зломъ таліона за безпричинное преступленіе. Сдѣлавшись изъ личной отместки коллективною, наказаніе вступило въ фазисъ очищенія, въ періодъ мистическій. Самъ ли преступникъ приносился въ жертву богамъ, или онъ умилостивлялъ ихъ богатыми дарами, во всякомъ случаѣ это богослужебное искупленіе совершаемо было по религіозному чувству, по высочайшей, къ какой только способенъ человѣкъ, эмоціи. Затѣмъ, слѣдовалъ новый, ненамѣченный Тардомъ, фазисъ, рядъ попытокъ ума нормировать мѣну и услугъ и взглядовъ, и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Устанавливались цѣны и таксы на продукты и работы, вкусы и композиціи, за убійство, пораненіе, насиліе или хищеніе, при чемъ принимались въ разсчетъ знатность пострадавшаго и знатность обидчика; выводъ уравненія имѣлъ видъ частной сдѣлки. Затѣмъ, сдѣланъ новый шагъ впередъ — слагается государство, съ большими потугами, сопровождаемыми насиліемъ. Это громадное событіе отличается условіемъ солидарности всѣхъ

частей объединяемой громады и соотвѣтствующимъ тому чувствомъ *негодованія* противъ преступниковъ, негодованія уже безличнаго, уже сдѣлавшагося общенароднымъ, но на первыхъ порахъ столь же безусловнаго, какимъ оно было, когда наказаніе имѣло характеръ очищенія. Карающая власть снимаетъ съ себя религіозный нарядъ и облекается въ мундиръ, дѣйствіе ея становится прямо политическимъ, все относящимъ къ государю, карающимъ прежде всего за нарушеніе государева мира, за оскорбленіе величества. Логическіе пріемы въ сущности тѣ же, какими были прежде,—уравненіе злодѣянія съ зломъ наказанія, убійства, воровства, кражи съ извѣстными лишеніями, страданіями, но самъ корень разсчета измѣнился, такса на преступленіе безмѣрно повышена, основаніе разсчета стало идеальнѣе. Преслѣдуется не вредитель, а лихой человѣкъ и озорникъ. Онъ расплачивается не состояніемъ своимъ, а головою или членами тѣла, которое подвергаетъ сѣченію, полосованію, искалѣченію, при чемъ изумительнымъ становится изобрѣтательность изыскиваемыхъ средствъ и орудій мученія. Власть свирѣпствовала, дѣйствовала не по праву карать, а по неоспариваемой никѣмъ обязанности карать и пользуясь услугами многочисленныхъ, болѣе усердныхъ, нежели разборчивыхъ исполнителей, отъ кото-

рыхъ и не требовались чувство, убѣжденіе, совѣстливость.

Когда была исполнена задача централизаціи, когда матеріальный порядокъ былъ водворенъ, то-есть, когда была установлена законность по государственному закону, тогда наступило смягченіе нравовъ, быстрое уменьшеніе проявленія дикихъ страстей и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіе наказаній, соотвѣтствующее превращенію каранія изъ долга государства въ его право, изъ неограниченнаго въ ограниченное. Произошло громадное, быстрое, заходящее даже за нормальные предѣлы, пониженіе уголовной таксы. Система измѣнилась: она была террористическая, она превратилась въ исправительную. Злоупотребленія острасткою подорвали вѣру въ дѣйствительность этой острастки. Ограниченіе права карать повело къ тому, что на казнь государству выдаваемы были только субъекты, изобличенные надлежащимъ образомъ въ извѣстномъ законопротивномъ дѣяніи. Отмѣнены предустановленные признаки преступности, при наличности которыхъ судьи примѣняли наказаніе чисто механически, и осужденіе возложено на совѣсть судей — людей, мало способныхъ вообще къ выполненію этой именно задачи, потому что они вносятъ въ эту работу весь формализмъ и всѣ тонкости казуистики, къ которой они приноровились въ граждан-

скомъ правѣ, и привыкли анализировать самое дѣяніе, отсѣченное отъ личности дѣйствовавшаго человѣка. Привожу мѣткія выраженія Тарда (484): „Когда законъ оставилъ судей безъ компаса, безъ возможности оріентироваться, сказавъ имъ только: судите по-совѣсти, — то они стали заботиться только о томъ, чтобы искупить безграничнымъ снисхожденіемъ свое полновластіе, лишенное направленія, вслѣдствіе чего полновластный судъ сдѣлался крайне слабымъ“. Когда нашли, что правительственные судьи плохо дѣйствуютъ, и передали сужденіе о винѣ присяжнымъ засѣдателямъ, вышло караніе еще слабѣе прежняго, потому что присяжные рѣшаютъ только по эмоціямъ; съ одной стороны, негодованіе, съ другой — жалость къ имѣющему быть наказаннымъ, и послѣднее чувство во многихъ случаяхъ беретъ рѣшительно перевѣсъ. Благодушіе присяжныхъ вошло въ пословицу, и необходимость заставляетъ нынѣ озаботиться усиленіемъ наказаній. По мнѣнію Тарда, открывается въ перспективѣ новый фазисъ наказанія, юстиція — не исправительная, а просто санитарная. Окончательная черта ея — усиленіе строгости. Какъ усилить строгость? укрѣпивъ чувство негодованія въ судьяхъ? Каковъ бы судъ ни былъ, осужденіе опорочиваетъ подсудимаго; оно есть выраженіе порицанія, соединяющаго всѣхъ честныхъ людей въ госу-

дарствѣ въ дружномъ, ихъ моральномъ и матеріальномъ противодѣйствіи преступленію,— противодѣйствіи, которое становится плотиною, защищающею общество отъ преступниковъ и ихъ единомышленниковъ, которыхъ много. Оно, по словамъ Тарда, *сгущенный утилитаризмъ всего человѣческаго рода, совокупность нажитыхъ достовѣрностей,* сдѣлавшихся автоматическими выводами изъ безчисленныхъ опытовъ надъ общевреднымъ, сопровождаемыхъ такими же опытами надъ общеполезнымъ, совокупность выработанныхъ категорическихъ императивовъ. Въ этомъ негодованіи нѣтъ ничего предвзятаго, страстнаго, излишняго. При усиливающемся пониманіи отношеній и вслѣдствіе того при извиненіи многаго, весьма многіе уголовные случаи будутъ разрѣшаемы оправдательными приговорами, по чувству тоже не безотчетному, но логически обоснованному,—состраданію къ лицу, совершившему гадкое дѣло по нуждѣ, по дурному питанію мозга, по скрытой эпилепсіи; но какова бы ни была снисходительность, она не дойдетъ никогда до принципіальнаго всеизвиненія и всепрощенія. „Видѣть въ преступникѣ, — говоритъ Тардъ, — только опасное существо, а не виновнаго человѣка, значитъ требовать, чтобы криминалисты, а вслѣдъ за ними и публика судили о преступленіи и наказаніи только интеллекту-

ально, отрѣшась отъ всякой эмоціи и всякаго порицанія. Когда перестанутъ ненавидѣть и порицать злодѣя, злодѣянія расплодятся". Тардъ отвергаетъ ледяной и безсердечный коллективизмъ, безъ негодованія и милосердія, которому приказываютъ работать, какъ работаетъ мясникъ, и которому запрещаютъ энергически заклеймить порицаніемъ то, что подлежитъ отсѣченію и изверженію. Тардъ усматриваетъ въ этой системѣ безсердечія итальянской школы остатокъ экономической теоріи, основанной на началѣ чистаго эгоизма, которая внушила Дарвину его основную идею борьбы за существованіе. Нынѣшняя политическая экономія ищетъ другихъ началъ, кромѣ борьбы на жизнь и смерть, и соціологія будетъ искать тоже иныхъ, кромѣ права силы, права кулачнаго. Общество не можетъ не утилизировать негодованія, возбуждаемаго нравственнымъ зломъ, какъ не можетъ не утилизировать чувства состраданія, то-есть, оно должно организовать и осуществить родъ государственнаго соціализма въ пользу падшихъ людей, преступниковъ.

Такимъ образомъ, вопреки итальянцамъ, возстановляются въ уголовномъ правѣ, хотя осуществляющемъ утилитарныя цѣли, невыдѣлимыя изъ дѣйствованія человѣческаго, — каково бы оно ни было, элементы этическіе и эстетическіе: нравственнаго добра и красо-

ты. При возстановленіи уже существовавшихъ и продолжающихъ существовать началъ *либерализма* и *гуманизма*, спрашивается, въ чемъ будетъ заключаться характеристика грядущаго, усматриваемаго Тардомъ, новаго четвертаго періода, санитарнаго, послѣ трехъ предыдущихъ: очищенія, острастки и исправленія? Каждый изъ трехъ завершившихся періодовъ имѣлъ своеобразную систему наказаній, соотвѣтствующую особенному воззрѣнію на преступленіе. Первому свойственны были жертвоприношенія, виры, окупы, анаѳемы; второму — колесованіе, отсѣченіе головы и членовъ, кнутованіе и тому подобныя кровавыя экзекуціи; третьему — ссылка и срочныя лишенія свободы. Оказывается, что все исчерпано, что ничего нельзя придумать новаго, а есть кой-какія измѣненія уже существующаго, которое можно дополнить и въ нѣкоторыхъ частяхъ усовершенствовать. Такимъ образомъ, въ лицѣ Тарда, мы получаемъ постепеннаго и раціональнаго реформатора, а не радикалиста-революціонера. Идеи его о реформахъ, въ смыслѣ наказанія, сводятся къ нижеслѣдующему.

Мы пережили религіозный вѣкъ, наказаніе не содержитъ въ себѣ ничего мистическаго. Съ другой стороны, общество наше изъ военнаго преображается въ промышленное, наши современники имѣютъ утонченные нравы и слабые, весьма чувствительные нервы; всякая

мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о смертной казни имъ невыносима и противна. Въ распоряженіи законодателя остаются только два средства: ссылка и тюрьма, но ссылка, видимо, убываетъ и исчезаетъ, и остается одна тюрьма. Если она сама по себѣ не въ надлежащей степени внушительна — удлинняйте ее, доводите до безсрочности. Если она неисправительна — постарайтесь дѣлать ее болѣе исправительною. Эта послѣдняя цѣль достигается не однѣми механическими мѣрами, но педагогическою и этическою пропагандою, активною любовью, пронимающею, въ концѣ концовъ, и заражающею даже закоренѣлыхъ злодѣевъ, — конечно, не всѣхъ, но многихъ. Государство не успѣетъ исполнить свою задачу, если оно не озаботится подобрать подходящій персоналъ и преданныхъ тюремному дѣлу людей и если оно не заручится активнѣйшимъ содѣйствіемъ самого общества, организующихся въ немъ патронатствъ и посвящающихъ себя тюремному дѣлу добровольцевъ изъ частныхъ лицъ.

Это не ново; каковы же другія предложенія? Сумасшедшихъ необходимо выдѣлить и содержать ихъ не въ предлагаемыхъ итальянскою школою *маникоміяхъ*, а въ настоящихъ психіатрическихъ клиникахъ, занимающихъ средину между больницею и тюрьмою, пріютахъ для лицъ, находящихся въ состояніи невмѣняемости, неспособныхъ по своей опасности

къ гражданскому общежитію. Затѣмъ, необходима еще другая сортировка. Слѣдуетъ изъ общей массы изъять людей, случайно впавшихъ въ преступленіе, и даже рецидивистовъ еще не хроническихъ, но только по слабости характера. Тардъ не высказывается противъ содержанія и въ общихъ камерахъ съ заключеніемъ одиночнымъ только по ночамъ; онъ бы не требовалъ даже строгаго и безусловнаго отдѣленія мужчинъ и женщинъ при дневныхъ работахъ. Но онъ сильно стоитъ за отдѣленіе горожанъ и сельчанъ и за устроеніе для сельскихъ преступниковъ спеціально-земледѣльческихъ работъ, а не городскихъ ремесленныхъ, которыя содѣйствуютъ только столь пагубному нынѣ переходу выпускаемыхъ изъ тюремъ въ большіе городскіе центры, гдѣ они обыкновенно увеличиваютъ только численность городскихъ мазуриковъ и проститутокъ. Для хроническихъ рецидивистовъ меньшаго калибра Тардъ предлагаетъ устраивать особыя отдѣленія. Что касается до болѣе тяжкихъ, то XIX вѣкъ усовершенствовалъ два средства: уголовную колонизацію (Австралія) и келейное заключеніе — сколокъ съ монастырскаго. Бывали и попытки соединенія обѣихъ мѣръ, либо ссылая послѣ келейнаго заключенія, либо предназначая келейное заключеніе для мелкихъ, а ссылку для крупныхъ преступниковъ. Одолѣло келейное заключеніе,

ссылка нынѣ регрессируетъ. Нельзя создать колонію изъ однихъ преступниковъ; коль скоро же въ колоніи имѣется ядро свободнаго, неуголовнаго населенія, то оно не можетъ не противиться всячески дальнѣйшей эвакуаціи въ колонію сквернѣйшихъ заразныхъ отложеній метрополіи. Притомъ для колонизаціи годились бы только одни ссыльные изъ крестьянъ. Притомъ ссылка не устрашительна. Мало-мальски колонія преуспѣваетъ,—уже разыгрывается воображеніе у попавшихся подъ судъ преступниковъ, и они порываются, какъ бы попасть въ эту ссылку. Келейное, одиночное заключеніе, которое осталось побѣдителемъ, можетъ быть сдѣлано суррогатомъ смерти, почти одинаково съ нею страшнымъ. Если смертная казнь отмѣнена, то необходимо оставить безсрочную тюрьму съ келейнымъ заключеніемъ на большое число лѣтъ. Для лицъ, подающихъ хотя бы слабую надежду на исправленіе, одиночное заключеніе должно быть умѣренное по времени, съ извѣстнымъ періодомъ для испытанія, при посѣщеніяхъ со стороны сердобольныхъ членовъ тюремныхъ патронатствъ. Тардъ совѣтуетъ вербовать въ эти патронатства побольше небогатыхъ людей, потому что богатые въ тюрьмы обыкновенно не идутъ, а дожидаются, пока къ нимъ не обратятся за помощью освобожденные, и участіе ихъ болѣе денежное, нежели сердечное.

Заключеніе можетъ быть значительно сокращено замѣною части его, по мѣрѣ поведенія арестанта, досрочнымъ, условнымъ отпускомъ на волю, который, въ связи съ дѣятельностью пріискивающихъ отпускаемымъ работу патронатствъ, содѣйствуетъ обратному водворенію въ обществѣ наказаннаго человѣка на болѣе благопріятныхъ для него, нежели до совершенія преступленія внѣшнихъ условіяхъ быта. Сначала въ Бельгіи, а потомъ, въ 1890 г., во Франціи установлена для менѣе важныхъ проступковъ система условныхъ освобожденій отъ наказанія для впервые провинившихся осужденныхъ, если они не попадутся вторично въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Объ этомъ нововведеніи, которому посвящено было столько времени на пенитенціарномъ конгрессѣ 1890 г. въ С.-Петербургѣ, нѣтъ еще ни слова въ книгѣ Тарда; оно пошло въ ходъ, когда книга издавалась.

Изъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ системою наказаній, выдѣляется у Тарда одинъ, поставленный особо, вопросъ самый заѣзженный, можетъ-быть, и избитый — *о смертной казни*, затормозившійся въ послѣднее время, вслѣдствіе возврата европейскаго общества къ милитаризму, къ ожесточенію въ нравахъ. Онъ стоитъ нынѣ, такъ сказать, на точкѣ замерзанія. Для насъ вопросъ этотъ имѣетъ интересъ, какъ говорятъ, чисто академическій,

то-есть лишенный практическаго значенія. Онъ притомъ имѣетъ у насъ обратную, по сравненію съ положеніемъ его въ Европѣ, постановку. У насъ смертная казнь есть и будетъ долгое время нормальнымъ наказаніемъ за главнѣйшія политическія преступленія; тамъ вообще за политическія преступленія она отмѣнена и оставлена лишь за общія или, лучше сказать, за одно смертоубійство, между тѣмъ, какъ съ 1754 г., то-есть въ теченіе полутораста лѣтъ, Россія по принципу обходится безъ смертной казни въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства (т. е. не въ военныхъ судахъ) для обыкновенныхъ преступленій и не предвидится возможности возврата къ примѣненію ея за эти преступленія. Самъ вопросъ о смертной казни не есть вопросъ логическій, разрѣшаемый на основаніи убѣждающихъ разумъ доводовъ, а только вопросъ для чувства. Логически всѣ доводы противъ смертной казни весьма бѣдны и неудовлетворительны. Говорятъ, что она неотмѣнима, недѣлима, что дѣлаетъ рекламу убійцамъ и развиваетъ подражательность въ стекающихся наблюдать ее зрителяхъ, что она драматизируетъ событіе, которое надлежало бы покрыть забвеніемъ. Корень отвращенія отъ этой казни иной — эмоціональный, чисто физіологическій. Онъ заключается въ ужасѣ, который внушаетъ самое воображаемое пред-

ставленіе о качающемся въ судорогахъ на висѣлицѣ, и о томъ, которому отрубаютъ голову. Возмущаетъ насъ притомъ не самая воображаемая жестокая мука, а связанная съ нею идея. Видъ тысячи тѣлъ, изуродованныхъ, покрывающихъ поле битвы, видъ хирургическихъ операцій, самоубійцъ, даже представленіе о принимающемъ ядъ Сократѣ или о какомъ-нибудь римлянинѣ, которому императоръ предоставилъ избрать родъ смерти, не производятъ на насъ подобнаго впечатлѣнія. Насъ раздражаетъ то, что смертная казнь подобна кнутованію, бичеванію, вообще тѣлеснымъ казнямъ, что она — ненужное истязаніе и поруганіе тѣла человѣческаго, котораго не выносятъ нервы людей въ обществѣ, дошедшемъ до извѣстной степени цивилизаціи, безъ предварительнаго убѣжденія, достаточными резонами въ томъ, что эти истязанія неизбѣжны и необходимы. Сильное, лѣтъ тридцать тому назадъ, движеніе въ пользу отмѣны смертной казни остановилось. Въ жизни остановка движенія бываетъ почти всегда началомъ обратнаго движенія, началомъ регресса. Если бы была неопровержимо установлена логическая необходимость лишать жизни ежегодно нѣсколько десятковъ злодѣевъ и если бы былъ изобрѣтенъ способъ убивать ихъ мгновенно безъ страданій и безъ разсѣченія на части или уродованія посредствомъ сильнѣйшихъ

ядовъ или электричества, то неизбѣжно возникла бы мысль объ элиминированіи такимъ образомъ отчаянныхъ злодѣевъ, которыхъ исправленіе невозможно, и мысль эту усвоило бы себѣ законодательство. Возможенъ ли возвратъ къ суровости, къ возстановленію смертной казни тамъ, гдѣ она уже была законодательнымъ порядкомъ отмѣнена? Тардъ полагаетъ, что онъ возможенъ. Мы переживаемъ критическій моментъ внезапнаго подъема милитаризма, смертная казнь — родная сестра войны. Если мы не только не возмущаемся, когда десятки тысячъ людей гибнутъ разомъ въ жестокихъ мукахъ на полѣ битвы, но прославляемъ эту рѣзню и несемъ охотно на алтарь отечества свои собственныя жизни, то что въ сравненіи съ тѣмъ нѣсколько сотенъ нашихъ собратьевъ, болѣе похожихъ на звѣрей, чѣмъ на людей, которыхъ бы пришлось для общественной безопасности извести? Притомъ наша чувствительность во многихъ отношеніяхъ фальшивая, наше кровеотвращеніе напускное и искусственное. Обыкновенно сочувствуютъ человѣку, который мститъ за свою опороченную честь револьверомъ, женщинѣ, которая расправляется съ покинувшимъ ее любовникомъ сѣрною кислотой, мужу, убивающему на мѣстѣ невѣрную жену или сообщника ея, прелюбодѣя. Въ воскрешеніи и возрастаніи считавшейся отжившею смертной

казни виновать, впрочемъ, не милитаризмъ. Причина глубже. Тардъ ее прямо указываетъ. Она—въ господствѣ Дарвинизма, въ ученіи, которое возводитъ въ законъ природы борьбу за существованіе и внушаетъ всякому существу слабѣйшему: умри и пропадай. Вся философія Тарда есть сплошной протестъ противъ Дарвинизма; она—краснорѣчивое исповѣданіе вѣры въ то, что возвратъ къ языческому духу не будетъ длиться, что побѣдитъ его другое міросозерцаніе, какъ бы его ни называли: гуманизмъ, духъ общественности, этотъ въ сущности воспрянувшій опять христіанскій духъ въ его чистѣйшей квинтъэссенціи, совершающій медленно и постепенно свою невидимую подземную работу. Когда онъ такимъ образомъ растянетъ на далекое разстояніе свою ткань сходствъ и тождествъ, идейныхъ и эмоціонныхъ подражаній, тогда и появится религія или философія, соединяющая людей въ одномъ общемъ религіозномъ или даже и не религіозномъ идеалѣ. Это начинающееся широкое космополитическое братство одолѣетъ въ будущемъ даже и самую войну, не по сознанной общечеловѣческой солидарности матеріальныхъ интерессовъ, но по развитію и усиленію симпатичныхъ чувствъ, вслѣдствіе дѣлающагося все болѣе и болѣе крѣпкимъ международнаго общенія. Тардъ убѣжденъ въ успѣшности

этой невидимой работы. Она сопровождается двумя отрицательными признаками, которыхъ, однако, не надобно пугаться: ослабленіемъ догматическихъ вѣрованій и недовольствомъ жизнью или пессимизмомъ. Сумма вѣрованій и желаній у человѣка, можно сказать, одна и та же; но чѣмъ кто образованнѣе, тѣмъ у него больше количество идей, между которыми распредѣляется его бюджетъ вѣрованій; онъ размѣненъ на малые атомы — человѣкъ становится скептикомъ. Съ другой стороны, и бюджетъ желаній израсходованъ на безчисленное множество потребностей, изъ коихъ ни одна не увлекаетъ его страстно; онъ скучаетъ и тяготится жизнью. Мы всѣ заражены этою болѣзнью вѣка. Тардъ превосходно объясняетъ, какъ при этихъ двухъ недугахъ, скептицизмѣ и пессимизмѣ, изъ нихъ же вытекаетъ то разрѣшеніе вопроса о смертной казни, котораго добиваются аболиціонисты. Эта страница (554) столь краснорѣчива, что я привожу ее цѣликомъ: „Сдѣлавшись скептикомъ и — что еще хуже — пессимистомъ, общество обязано дать созрѣть красивѣйшему нравственному плоду, отъ этихъ настроеній исходящему, а именно милосердію (pitié). Преступникъ не въ правѣ его требовать, — вотъ почему я и не утверждаю, чтобы общество обязано было давать ему жизнь по какому-то метафизическому праву. Оно дѣлаетъ

это только по великодушію (génerosité, clémence), вполнѣ сознавая возвышенность своего мотива. Не надо ему внушать, что оно дѣлаетъ хорошій расчетъ, когда слѣдуетъ влеченію своего сердца. Оно рискуетъ, но обязано нести послѣдствія этого риска. Идеалъ утилитаріанцевъ — безстрашное общество, разящее людей безъ мести и прощенія, — несбыточенъ. Какъ бы ни втолковывали безсердечіе, общество будетъ продолжать прощать и мстить, но его месть будетъ не мужественная и его прощеніе не будетъ доброе, — то и другое будетъ нѣсколько подловатое (lâche) и въ его перемежающихся отместкахъ, а еще болѣе въ амнистіяхъ. Боязнь зла, почетъ злу, удивленіе злу, — это все подлости, существующія испоконъ вѣка. Нынѣшнему обществу подобаетъ не родить, но развить менѣе опасное и болѣе благородное чувство снисхожденія къ злу". Это снисхожденіе, даруя жизнь, должно, однако, обречь злодѣя на достойную его участь. Иными словами, необходимо одно изъ двухъ: либо оставить и даже расширить смертную казнь, смягчая ее до безболѣзненнаго и неуродующаго тѣла лишенія жизни, либо замѣнить ее тяжелою и трудовою жизнью, откровеннымъ, а не притворнымъ и стыдящимся возвратомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, насколько ихъ будетъ требовать тюремная дисциплина.

Итакъ, и въ ученіи о преступленіи и въ ученіи о наказаніи, побивая побѣдоносно итальянскихъ криминалистовъ, Тардъ не является вовсе новаторомъ. Онъ одерживаетъ эту побѣду старыми средствами, которыми уже пользовались криминалисты-классики. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ послѣдній отдѣлъ его теоріи, посвященный суду и рѣшенію. Здѣсь онъ круто поворачиваетъ, переходитъ на сторону противниковъ, соединяется съ ними въ энергическомъ порицаніи суда присяжныхъ, не по причинѣ тѣхъ или другихъ подробностей, но по самой коренной идеѣ учрежденія, и склоняется къ передачѣ судейской функціи совершенно инымъ лицамъ, — не тѣмъ, которыя засѣдали донынѣ за судейскимъ столомъ или на скамьѣ присяжныхъ, но тѣмъ, которымъ надлежало бы предпочтительнѣе предъ ними поручить исправленіе судейскихъ обязанностей по духу нашего, наукѣ поклоняющагося, времени.

Судъ есть своего рода изслѣдователь истины. Дѣятельность его направлена къ тому, чтобы установить съ наибольшимъ правдоподобіемъ, какъ бы тому ни противились заинтересованныя въ дѣлѣ стороны: *во-первыхъ*, кто совершилъ предполагаемое въ данномъ случаѣ преступленіе; *во-вторыхъ*, какая въ этомъ дѣлѣ степень его вины и отвѣтственности. Доказательства, посредствомъ какихъ

судья доходитъ до истины, суть общія логическія основанія убѣжденій въ истинѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о доказательствѣ не есть юридическій вопросъ, а логическій, разрѣшенный посредствомъ и методамъ знанія и философіи извѣстной эпохи. Исторія судебныхъ доказательствъ есть исторія самой познавательной дѣятельности нашего ума. Главные характерные фазисы этой исторіи были слѣдующіе.

Былъ въ судопроизводствѣ періодъ миѳическій, мистическій, соотвѣтствующій состоянію ума дѣтскому, отличающемуся невозможностью додуматься до истины. Человѣкъ мнилъ себя окруженнымъ богами, духами, вѣрилъ имъ и сообщался съ ними; для разрѣшенія же неразрѣшимыхъ по его познаніямъ споровъ прибѣгалъ къ этимъ богамъ, къ оракулу, къ жребію, къ ордаліямъ, гадалъ объ истинѣ посредствомъ раскаленнаго желѣза, кипятка, поединка. Онъ вооружалъ спорщиковъ дубинами или мечами и заставлялъ ихъ выходить на поле, биться. Кто побѣждалъ, за тѣмъ была и правда Божія. Наступилъ затѣмъ фазисъ судопроизводства другой. Мѣсто суевѣрія занялъ раціонализмъ сухой и грубый, насилованіе истины исторганіемъ ея изъ лживыхъ устъ запирающагося обвиняемаго, постоянное прибѣганіе къ особой экспертизѣ, въ которой экспертомъ былъ заплечныхъ дѣлъ

мастеръ, или палачъ. Слагалось между тѣмъ государство; оно искореняло лихихъ людей, оно возлагало за нихъ отвѣтственность на общины, оно дѣлало повальные обыски о лихихъ людяхъ, вызывало въ Англіи представителей общинъ ad vere dicendum, кто въ данномъ преступленіи виноватъ, — таково начало англійскаго *джюри* (jurata), къ которому въ Англіи перешли прямо отъ ордалій. На материкѣ Европы ходъ развитія былъ иной. Вытащено римское право, юстиція перешла въ руки ученыхъ романистовъ, и судъ былъ построенъ на весьма грубомъ, хотя и не лишенномъ нѣкоторой логики основаніи, что осужденіе недостовѣрно, пока самъ подсудимый не признался, и что человѣкъ вообще правдолюбивъ; если же онъ запирается и лжетъ, то онъ это дѣлаетъ не безъ особаго волевого усилія, такъ что посредствомъ физическаго его истязанія можно уничтожить этотъ нравственный тормозъ и добыть самую истину изъ устъ, раскрываемыхъ мукою. Ужасно было только то, на что закрывали глаза, — что на мученіе могъ быть взятъ и совсѣмъ невиновный человѣкъ, который, бывъ истязуемъ, могъ взвести на себя всякія небылицы. Этотъ, такъ называемый, *инквизиціонный* процессъ просуществовалъ до половины XVIII-го в., до Беккаріи (1764. Dei delitti e delle pene). Когда отъ него отсѣкли пытку, то юстиція

явилась выхолощенною, беззубою. Законники-рутинисты, по лишеніи ихъ пытки, не могли уже справиться съ своимъ дѣломъ посредствомъ остальныхъ своихъ доказательствъ; они не сумѣли даже выработать достовѣрность по совокупности уликъ, то-есть по мотивированному убѣжденію, какъ рѣшаютъ вопросы научные изслѣдователи истины.

Тогда-то и насталъ новый періодъ, объяснимый только подражательностью. Изъ Англіи заимствованъ былъ сдѣлавшійся моднымъ институтъ джюри, дурно понятый и перенаряженный, и онъ съ неимовѣрною быстротой распространился и обошелъ кругомъ весь шаръ земной. Распространеніе этого института совпадаетъ съ другими родственными ему явленіями современности, изъ одного съ нимъ источника происходящими, съ souveraineté du peuple, всеобщею подачею голосовъ, съ либеральными и конституціонными учрежденіями, съ романтизмомъ. Основаніе заимствованія заключалось тоже въ суевѣріи, хотя иного рода, въ мистической вѣрѣ въ здравый человѣческій смыслъ, однимъ чутьемъ, по слѣпому инстинкту открывающій сразу то, чего записные изслѣдователи-законники не откроютъ по своей близорукости, и въ абсолютную безошибочность общественнаго мнѣнія толпы. Подъ вліяніемъ увлеченія институтъ разросся не въ мѣру и облекся въ уродли-

выя формы. На родинѣ, въ Англіи, онъ былъ только доказательствомъ посредствомъ вердикта присяжныхъ и не употреблялся, когда подсудимый дѣлалъ признаніе (pleaded guilty). На материкѣ присяжные стали судьями факта, хотя бы признаніе существовало полное, судьями полной вины, — слѣдовательно, косвенно они и рѣшители наказанія. Вслѣдствіе принципіальнаго возложенія участи обвиняемаго на ихъ совѣсть, безъ требованія отъ нея какого-либо отчета, они пріобрѣли фактически власть помилованія, во владѣніе и пользованіе коимъ помогли войти услужливые куртизаны, заискивающіе у всякихъ власть имущихъ. Итальянскіе позитивисты издѣваются надъ институтомъ (Гарофало называетъ его дикимъ — institution baroque du jury). Тардъ присоединяется къ этому осужденію, обвиняетъ присяжныхъ въ невѣжествѣ, непослѣдовательности, перемѣнчивости убѣжденій, трусости, неспособности быть самостоятельными по отношенію къ общественному мнѣнію. Выборъ ихъ совершается безсмысленнымъ образомъ по жребію; всѣ лица, которыя поэнергичнѣе или посмышленнѣе, отводятся сторонами; выбаллотировываются такимъ образомъ однѣ посредственности. Эта малая толика воды, зачерпнутой, такъ сказать, ладонью изъ воды морской, не выражаетъ даже и общественнаго мнѣнія, потому что она была изолирована искусственно и за-

ворожена вкрадчивыми рѣчами искусителей—обвинителей или защитниковъ. „Никто изъ мошенниковъ не боится присяжныхъ, но никто изъ честныхъ людей ихъ не уважаетъ. Недовѣріе къ нимъ полное, конецъ ихъ близится“. Введеніе института было во время оно прогрессомъ, его существованіе нынѣ равносильно застою. Нѣтъ учрежденія коснѣе присяжныхъ; никогда нельзя на нихъ расчитывать, когда для общества необходимо быть построже, подтянуть или приструнить — вотъ почему вездѣ прибѣгаютъ къ такъ называемой correctionalisation des délits, къ изъятію изъ ихъ вѣдѣнія менѣе тяжкихъ преступленій. По мнѣнію Тарда, самъ институтъ обреченъ на сломку; весь вопросъ въ томъ, чѣмъ замѣстить присяжныхъ.

На этотъ вопросъ отвѣтъ готовъ у итальянцевъ, по мнѣнію которыхъ судьи нужны, собственно, только для разрѣшенія вопроса, совершено ли извѣстнымъ лицомъ дѣяніе, обнаруживающее опасность для общества со стороны его виновника. Затѣмъ наказанія, собственно, и нѣтъ, а необходимъ только классификаторъ, который бы, зная антропологію и психологію, пощупалъ, измѣрилъ и наблюлъ виновника, да отнесъ бы въ одинъ изъ предустановленныхъ разрядовъ: прирожденныхъ, профессіональныхъ или случайныхъ преступниковъ, послѣ чего виновный и нашелъ бы

подобающее ему мѣсто въ пенитенціарномъ звѣринцѣ. Вѣдь онъ и судится не за свое дѣяніе, а только за свою temibilità. Но Тардъ не сошелся съ итальянцами; онъ—настоящій криминалистъ, онъ судитъ лицъ, которымъ вмѣняются ихъ поступки, лицъ отвѣтственныхъ. Онъ высказывается рѣшительно противъ перехода членовъ по очереди изъ гражданскихъ отдѣленій суда въ уголовные и, наоборотъ, полагаетъ, что будущіе уголовные судьи должны быть спеціалисты-алiенисты, изучавшіе физіологію, психологію и соціологію, напрактиковавшіеся изучать арестантовъ, посѣщая ихъ въ тюрьмахъ во время своего стажа, или кандидатуры. Тардъ настаиваетъ на пользѣ предлагаемаго имъ и позаимствованнаго у Бентама способа голосованія судей баллами о виновности, выражающими степень увѣренности судей въ виновности субъекта. Полной увѣренности въ виновности почти никогда не бываетъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ полнаго признанія, совпадающаго съ обстоятельствами дѣла; но какъ хирургъ рѣшается на рискованную операцію не потому, чтобы онъ отрицалъ возможность лѣченія и безъ операціи, но потому, что временить и колебаться было бы опасно, такъ и судья не можетъ задерживать дѣйствія правосудія, хотя не всѣ сомнѣнія очистились, и подвергать риску общественную безопасность. Онъ бы

предложилъ, какъ на экзаменахъ, баллотированіе баллами отъ 1 до 5, съ достаточными для осужденія 3 въ среднемъ выводѣ. Онъ бы желалъ,—если бы первое предложеніе не было принято,—чтобы судъ могъ, какъ въ Римѣ, произнести non liquet или, какъ въ шотландскомъ процессѣ: not proven, вмѣсто not guilty—невиновенъ. Простые случаи будутъ рѣшаться безъ экспертовъ; во всѣхъ дѣлахъ съ загадочнымъ пунктомъ, съ вопросами, требующими великаго знанія, глубокой науки, судьямъ должны помогать будущіе замѣстители нынѣшняго джюри, ученые эксперты. Тардъ выражается довольно неопредѣленно, что онъ не желаетъ превращенія экспертовъ въ судей, что заключеніе экспертовъ должно быть только высшимъ средствомъ разъясненія (moyen supérieur d'information mis à la disposition de la justice); но, съ другой стороны, онъ полагаетъ, что заключеніе этого ученаго jury будетъ чѣмъ-то въ родѣ *законнаго* доказательства, — значитъ, доказательства, обязательнаго для суда. Изъ этихъ словъ я заключаю, что роль экспертовъ измѣнится, что изъ простыхъ орудій наблюденія, которыми судъ можетъ по произволу пользоваться или не пользоваться въ трудныхъ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы судейскаго званія, комплектъ ученыхъ спеціалистовъ явится окончательно рѣшителемъ спорнаго и только на-

уже доступнаго факта, и что единогласное рѣшеніе ихъ будетъ нормою для судьи.

Таковы идеи Тарда о будущемъ судоустройствѣ, идеи болѣе блестящія, нежели солидныя; въ нихъ меньше послѣдовательности, нежели у итальянскихъ позитивистовъ, можно сказать, что онѣ—мечты воображенія. Устранимъ, прежде всего, неудачную попытку связать джюри съ экспертизою и представить ученую экспертизу, какъ преемника и замѣстителя джюри. Эти два предмета не сочетаются, не имѣютъ ничего общаго. Наши законы, давая и сторонамъ, и суду, какъ уголовному, такъ и гражданскому, черпать матеріалы для рѣшенія изъ сокровищницы науки, не признаютъ, однако, экспертизы доказательствомъ; она—только повѣрка доказательствъ. Судьямъ дано на волю уважать экспертизу или не уважать и, отклонивъ отъ себя эти результаты глубокаго, можетъ-быть, знанія, вопреки имъ постановлять рѣшеніе. Надо признать, что можно бы всякую научную экспертизу (не только судебно-медицинскую) въ обоихъ процессахъ, и гражданскомъ и уголовномъ, поставить иначе, организовать постоянныя коллегіи экспертовъ, опредѣлить ихъ составъ, потребовать, чтобы судъ очертилъ въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы области, внутри которыхъ, не будучи компетентнымъ, по недостаточности своего знанія,

онъ требуетъ не заключенія, а приговора экспертовъ. Единогласнымъ и категорическимъ изреченіямъ экспертовъ законодательство могло бы сообщить значеніе непререкаемыхъ доказательствъ, которыми судьи коронные обязаны были бы руководствоваться. Для присяжныхъ такое отношеніе къ экспертизѣ невозможно, такъ какъ законы ничѣмъ не ограничиваютъ ихъ при рѣшеніи о виновности и даже о событіи преступленія, но, само собою разумѣется, что въ своей заключительной рѣчи предсѣдатель обязанъ былъ бы преподать взглядъ законодателя на экспертизу, какъ на выводъ, сдѣланный знатоками дѣла и по закону пользующійся неопровержимымъ авторитетомъ. Не вхожу въ разборъ того, наступитъ ли когдалибо такое преобразованіе, или даже того, желательно ли оно или нежелательно; я хотѣлъ только установить то положеніе, что оно можетъ быть произведено безъ того, чтобы пришлось тронуть или уничтожить присяжныхъ.

Итакъ, вопросъ не въ спеціалистахъ-техникахъ и не въ мѣстѣ, ими занимаемомъ. Они оказываютъ нынѣ услуги, а въ будущемъ могутъ оказывать еще большія. Вопросъ и не въ судьяхъ, какъ бы высоко не подымать ихъ образовательный цензъ, хотя бы ихъ совсѣмъ воспретили брать изъ состава гражданскихъ отдѣленій, хотя бы ихъ заставили держать

экзамены изъ тюрьмовѣдѣнія, психологіи и психіатріи. То будутъ второстепенныя качества и квалификаціи, а главная функція судьи та же: онъ блюститель и истолкователь закона, на то поставленный, чтобы растягивать и выпрямлять этотъ законъ дедуктивно и казуистически, — а это становится возможнымъ только тогда, когда самыя явленія жизни онъ будетъ разсматривать абстрактно, перенося эти явленія въ область безцвѣтныхъ и лишенныхъ живого, конкретнаго содержанія законодательныхъ предусмотрѣній, то-есть чистѣйшихъ отвлеченностей. Тардъ думаетъ, что судьи потому бываютъ такіе формалисты и византійцы, что въ школѣ зубрили римское право, которое потомъ примѣняли и въ судѣ. Я утверждаю противное. Посадите на судейское кресло не романиста, а психолога или натуралиста, но заставьте его продѣлывать много лѣтъ судейскую работу, — и, въ силу своихъ постоянныхъ занятій, онъ сдѣлается казуистомъ и законникомъ. Безъ законниковъ не можетъ быть суда. Отъ правительства поставленный на то, чтобы судить, законникъ, будь онъ даже несмѣняемый, имѣетъ неминуемо слѣдующія, не скажу недостатки, но односторонности: прежде всего онъ отвлеченный человѣкъ, отъ міра сего отошедшій и витающій въ заоблачныхъ абстракціяхъ; во-вторыхъ, такъ какъ онъ правительствомъ по-

ставленъ судить, то во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государство находится по своимъ интересамъ въ коллизіи съ интересами гражданскаго общества, съ правами гражданъ, онъ — не безпристрастный рѣшитель и будетъ тянуть въ сторону государства. Наконецъ, въ-третьихъ, не ждите отъ него надлежащаго проявленія чувствъ негодованія и состраданія по отношенію къ подсудимому, которыми, по мнѣнію не итальянцевъ, а Тарда, долженъ быть одушевленъ судъ, возстановляющій господство правды и закона. Судъ изъ техниковъ-законниковъ надлежало усилить введеніемъ въ него народныхъ элементовъ. Какимъ образомъ и въ какой формѣ надлежало вводить эти элементы? Въ формѣ ли выборныхъ или въ формѣ присяжныхъ? Только и были налицо эти двѣ формы; но первая изъ нихъ оказалась невозможною въ обществѣ пока не модернизированномъ, имѣющемъ еще старинныя сословныя перегородки и живо помнящемъ всѣ неудачные опыты судебныхъ засѣдателей въ судахъ по законодательству Екатерины II. Тогда и придумали ввести общегражданскую судейскую повинность, брать понятыхъ изъ народа для рѣшенія вопросовъ, фактически относящихся къ преступленію, какъ оно практикуется уже съ успѣхомъ въ другихъ западно - европейскихъ государствахъ. Этотъ судъ принесъ и продолжаетъ доставлять

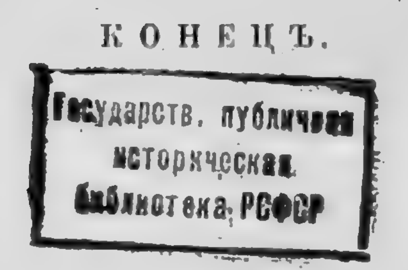
громадной важности и ничѣмъ незамѣнимыя удобства. Онъ сразу отсѣкъ и упразднилъ теорію законныхъ доказательствъ, заставивъ судить только по убѣжденію совѣсти. Когда людей, не умѣющихъ плавать, бросятъ въ глубокую воду, они будутъ барахтаться, пока не приноровятся къ тому, какъ держать себя на водѣ. Нѣчто подобное произошло съ присяжными. Только судъ присяжныхъ и поддерживаетъ устность судопроизводства. Возьмемъ гласный судъ, какъ онъ практикуется въ областяхъ, гдѣ присяжныхъ нѣтъ, а есть суды съ двумя инстанціями; сила вещей возстановляетъ на практикѣ во второй инстанціи безжизненное бумажное производство. Учрежденіе присяжныхъ сдѣлало изъ судебной функціи живой общественный органъ, свободно обсуждающій и наставительный, имѣющій для общества воспитательное значеніе. Институтъ присяжныхъ имѣетъ много недостатковъ, больше, можетъ-быть, чѣмъ сколько ихъ насчитано у Тарда, но извѣстно, что всякое новое колесо скрипитъ; недостатокъ, можетъ-быть, и неприсущъ институту по самой его идеѣ, а только по его формѣ. Есть безчисленное множество измѣненій, посредствомъ которыхъ можно бы институтъ усовершенствовать. Одного нельзя только требовать отъ присяжныхъ, а именно, чтобы они свои рѣшенія мотивировали; но я сильно сомнѣваюсь, есть ли патентованное

лѣкарство противъ плохихъ судейскихъ рѣшеній. Дѣло и въ коронномъ судѣ рѣшается по общему впечатлѣнію и по совѣсти, а не механически. Мотивы подбираются и придѣлываются потомъ, они похожи на тѣ объясненія post factum, къ которымъ человѣкъ приходитъ заднимъ умомъ, но которыхъ, можетъ-быть, у него не было, когда онъ дѣйствовалъ. Сопоставьте судъ изъ техниковъ двустепенный и судъ присяжныхъ - кому дать предпочтеніе? Я отвѣчаю по опыту: несомнѣнно, присяжнымъ. Нѣтъ вполнѣ совершенныхъ учрежденій; институтъ присяжныхъ имѣетъ многіе недостатки; несомнѣнно, что въ будущемъ найдены будутъ формы, болѣе цѣлесообразныя и лучшія, но это будущее весьма далеко, и то, что предлагаютъ взамѣнъ присяжныхъ, совсѣмъ неудовлетворительно. Часть сочиненія Тарда, относящаяся къ процессу, есть самая слабая, и его возраженія противъ суда присяжныхъ не пошатнули нисколько этого института, хотя вызываютъ на размышленіе по его поводу.

Кончаю разборъ философіи уголовнаго права Тарда. Эта книга и предшествовавшіе ей труды итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, которые она опровергаетъ и на которые она представляетъ остроумные и своеобразные отвѣты, даетъ въ совокупности нѣкоторое понятіе о томъ могучемъ броженіи и

движенія, которыя закипаютъ въ уголовномъ правѣ, пребывавшемъ многіе годы въ застоѣ. Открываются новые горизонты, расшатываются основныя положенія, считавшіяся очевидными истинами. Можетъ быть, не все то пройдетъ и сбудется, о чемъ мечтаютъ храбрые радикальные реформаторы, но, несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовнаго права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новомъ видѣ.

КОНЕЦЪ.



общей біологіи, зоологіи, ботаники, физіологіи человѣка, научной медицины, гигіены, логики, психологіи, педагогики, этики, эстетики, экономическихъ и общественныхъ наукъ, исторіи, исторіи философіи, литературы, искусства и культуры—все это намѣчается, какъ возможный матеріалъ для изданія.

Редакція „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни" надѣется, что ей удастся, по мѣрѣ силъ, способствовать выполненію одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени—проведенію въ среду читающей публики основныхъ положеній науки и пріемовъ научнаго мышленія, сближенію современнаго знанія съ дѣйствительною жизнью.

Въ означенномъ изданіи будутъ помѣщаться оригинальныя и переводныя брошюры и статьи какъ не появлявшіяся въ печати, такъ и нуждающіяся съ переизданіи.

По мѣрѣ надобности, брошюры будутъ сопровождаться рисунками, картами и чертежами.

Въ очередныхъ выпускахъ „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни" предположено помѣстить, кромѣ переводныхъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: *пр.-доц. А. И. Артари, А. Д. Алферова, пр.-доц. И. А. Базанова, П. М. Богаевскаго, С. Н. Булгакова, пр.-доц. А. С. Бѣлкина, А. Э. Вормса, проф. А. Н. Веселовскаго, проф. Н. Е. Жуковскаго, В. И. Ивановскаго, проф. графа Л. А. Камаровскаго, А. А. Кизеветтера, проф. М. П. Коновалова, проф. М. А. Мензбира, проф. И. Н. Миклашевскаго, проф. В. Ѳ. Миллера, пр.-доц. В. М. Михайловскаго, докт. Е. А. Осипова, М. В. Павловой, проф. А. П. Павлова, пр.-доц. Д. М. Петрушевскаго, В. В. Пржевальскаго, М. Н. Розанова, проф. В. М. Руднева, В. Д. Соколова, В. Д. Спасовича, проф. Н. И. Стороженко, проф. М. И. Сѣченова, проф. К. А. Тимирязева, пр.-доц. Н. Н. Харузина, проф. А. И. Чупрова, проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана и др.*

ВОПРОСЫ НАУКИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Поступили въ продажу:

№ 1. **С. А. Варшеръ.** Англійскій театръ временъ Шекспира. 1896 г. Ц. 25 к.

№ 2. **Проф. М. А. Мензбиръ.** Историческій очеркъ воззрѣній на природу. 1896 г. Ц. 25 к.

№ 3. **П. М. Богаевскій.** Мултанское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. 1896 г. Ц. 40 к.

№ 4. **Проф. Колеръ.** Право какъ элементъ культуры [пер.]. 1896 г. Ц. 20 к.

№ 5. **А. П. Артари.** Очерки изъ области знаній о низшихъ организмахъ. 1896 г. Ц. 30 к.

№ 6. **Д. М. Петрушевскій.** Общество и государство у Гомера. 1896 г. Ц. 20 к.

№ 7. **Проф. К. А. Тимирязевъ.** Луи Пастёръ. 1896 г. Ц. 25 к.

№ 8. **Проф Н. И. Стороженко.** Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. 1897 г. Ц. 20 к.

№ 9. **Проф. А. П. Павловъ.** Полвѣка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. 1897 г. Ц. 40 к.

№ 10. **В. Ф. Дерюжинскій.** Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. 1897 г. Ц. 40 к.

№ 11. **Проф. К. А. Тимирязевъ.** Растеніе и солнечная энергія. 1897 г. Ц. 40 к.

№ 12. **Проф. гр. Л. А. Камаровскій.** Восточный вопросъ. 1896 г. Ц. 25 к.

№ 13. **О. Я. Пергаментъ.** Галилео Галилей. 1897 г. Ц. 25 к.

№ 16. **А. Д. Алферовъ.** Грибоѣдовъ и его пьеса. 1897 г. Ц. 20 к.

№ 17. **В. Д. Спасовичъ.** Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права. 1897 г. Ц. 35 к.

Печатаются:

№ 14. **Н. Н. Харузинъ.** Очерки первобытнаго права.

№ 15. **Проф. А. Принсъ.** Преступность и репрессія (пер.).

№ 18. **В. П. Шереметевскій.** Значеніе математическаго анализа для изученія природы.

№ 19. **Проф. Гольцендорфъ.** Идея вѣчнаго мира (пер.).

№ 20. **Проф. Н. И. Стороженко.** Философія Донъ-Кихота.

№ 21. **А. А. Кизеветтеръ.** Иванъ Грозный и его оппоненты.

№ 22. **А. Д. Алферовъ.** Чарльзъ Диккенсъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Гроссманъ и Кнебель (I. Кнебель). Москва, Петровскія линіи.